

СЕМЁН АФАНАСЬЕВ

A child is shown in profile, sitting cross-legged. The child's head is illuminated with a glowing, intricate pattern of white lines that resemble a brain's neural network. To the right of the child, several horizontal lines of varying colors (red, yellow, orange) represent an ECG or heart rate monitor, with vertical green lines indicating the time axis. The background is a dark green with a subtle grid pattern. Above the child's head, there is a glowing, circular light fixture with multiple oval-shaped lights.

ДОКТОР₃

Семён Афанасьев
Доктор 3
Серия «Доктор», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67760309
С. Афанасьев. Доктор. Книга третья:*

Аннотация

Семен Афанасьев – популярный русскоязычный писатель-фантаст, живущий в Казахстане. У автора в активе уже немало циклов книг, большая часть из которых написана в жанрах фантастического боевика и героической фантастики и фэнтези. Одним из самых популярных проектов автора является цикл романов «Доктор», который скорее можно отнести к социальной фантастике с использованием популярного приема «попаданчества», но не из нашего мира в параллельный, а как раз наоборот.

Представляем третью книгу серии. Погибший в битве с фантастическими тварями герой перемещается в наш мир в тело 16-летнего подростка Александра Стесева. Неожиданно у юноши появляются неординарные способности в области медицины. Не имея никаких знаний, он ставит верные диагнозы в случаях, когда опытные врачи были в затруднении. Применяются эти способности и других областях человеческой деятельности.

Таланты Александра не долго оставались незамеченными, и теперь он на карандаше у очень серьезных людей, которые хотят, чтобы он работал на них. Но у героя свои планы на жизнь, ведь никто не знает, что в кажущемся неопытным юноше скрывается личность матерого бойца из другого мира.

В третьей книге герой продолжает осваивается в новом мире. Ему предстоит противостоять тем, кто организовал наркотрафик в стране, стать организатором олимпиад, участвовать в спортивных турнирах, побывать в других странах и узнать новость, которая серьезно изменит его жизнь. Читайте продолжение истории.

Книга содержит нецензурную брань.

Семён Афанасьев

Доктор. Книга третья

Семён Афанасьев

* * *

Уже на первом уроке чувствую, что свои силы по поводу бессонной ночи переоценил. В сон тянет невероятно. Пома-
явшись с половину урока, не придумываю ничего лучшего,
чем начать переписываться с Леной, чтоб не уснуть прямо
на парте.

*– Ты жива? Я почти что мёртвый :- (Хоть спички в глаза
вставляй.*

*– М-да. Вчера переборзили :- / Вернее, уже сегодня. Но мне
проще, чем тебе: я уже колёсами закинулась :-P*

– 0_0 чем-чем? Какими???

*– Ва-а-ха-ха :-))) две таблетки кофеина. А ты что поду-
мал?*

*– Ничего не подумал... Не успел... Бли-и-и-ин, а мне кофе-
ина? Я тоже хочу!*

*– Тебе нельзя, Мелкий. Ты ещё растёшь. Режимы сна
и кровоснабжения мозга – штука тонкая. Я не хочу му-
жа-ишизика – ты мимо кофеина пролетаешь :-P*

– Щас усну прямо на парте...

– Может, вали домой? А я тебя справкой прикрою? Скажу куда, зайдёшь по дороге – справку получишь. Или я от себя с дежурства приволоку, что ты в реанимации? :-)))

– Да я чё-то сомневаюсь. Как-то некрасиво, нет? Твою справку – точно не надо, понятно же, что неправда. Как это можно на один день в реанимацию угодить?

– Понятно \ не понятно, а документ есть документ... И я бы тебе из другого отделения сделала бы... Мелкий, ты вчера спас Принцессу от тоски и депрессии. Тебе можно мимо школы домой. Это я тебе как твоя опекуниша говорю :-))) и официально разрешаю.

– Опекуниша... Тебя саму опекать надо...

– Мррр-р-р-р-р. Хрррр-р-р-р. Продолжай :-)

– Не можешь ты мне ничего разрешать – я уже сам большой и дееспособный. Слушай, а чего ты такая весёлая??? Ты точно кофеином ограничилась???

– Не дрейфь – точно. Могу фотоотчёт прислать... Весёлая потому, что у меня тут от Алиш телефон дымится :-D

– А что Алиш? Надеюсь, всё в пределах приличий?

– Да у них там с Юрой не роман, а ядерный взрыв. Интимные подробности пропущу... А сейчас, вот именно сейчас, они по магазинам покупаются :-D

– 0_0 Даже боюсь спрашивать, что там.

За этот вечер – вернее, за эту ночь я неожиданно не то

чтобы прикипел к Юре, но заинтересовался однозначно. И явно оценил его, несмотря на моё самое первое стереотипное о нём мнение. В реальной жизни он оказался думающим и достаточно приятным человеком.

– Держись крепче. Они сейчас кухню выбирают :-D

– 0_0 какую? Зачем?

– В дом. В котором они жить вместе планируют :-D

– Даже не знаю, что сказать... как говорится, что сказать, если нечего говорить. Ёлки, а спать-то как хочется...

– Мелкий, а вали-ка ты домой! Вспомни Буратино!

– Кто это?

– М-да, похоже, кто-то рос сиротой:-/ Сказка детская.

Это такой деревянный человечек. Его папа в школу послал, а он учебники продал и на вырученные деньги в театр пошёл. В итоге стал хозяином своего кукольного театра, а те, которые в школу ходили, на него потом работали :-D

– 0_0 неожиданно. Боюсь, это не совсем рабочая схема в текущих реалиях – я о реализации бизнес-амбиций через такой алгоритм 0_0

– Вааа-ха-ха, Мелкий, иди-ка ты лучше спи... :-P Я серьёзно. Так, всё, я понеслась. У нас тут началось движение. Чмоки.

В этот момент историк замечает меня за посторонними занятиями:

– Стесев, а тебя ничего не касается? Поведай тогда нам свои мысли о причинах, следствиях и геополитических результатах второй мировой войны.

– Тимур Германович, честное слово, я могу пересказать вам учебник дословно, – бормочу, борясь с приступом зевоты. – У меня очень хорошая память, а текст совсем несложный, – затем, видимо, усталость берёт своё, и я продолжаю откровенно: – Но это же всё равно не будет правдой. Даже если на литературе... м-да... – по классу катится короткая волна хохота. – Уж история точно будет иметь несколько трактовок, каждая из которой будет достоверной.

– Ты сейчас о чём? Давай без словоблудия. Причины, следствия, результаты! – Недовольно морщится историк.

– Вам сейчас учебник пересказать? Или выводы, которые я считаю реальными? – склоняю голову к правому плечу.

Пересказывать учебник не хочется категорически. Кажется, идея Лены о том, чтоб пойти спать домой, была совсем не плоха.

– Справедливости ради, я не сомневаюсь в том, что учебник ты читал, – историк отзеркаливает мой наклон головы к плечу. Видимо, это он так шутит. – Давай попробуем собственные выводы. Нестандартный ты наш.

– Хм... Звучит обидно, Тимур Германович... а я мастера спорта собрался выполнять, – шучу в ответ под хохот класса. – Но начнём с того, что лично я категорически не согласен с причинами.

– И каковы же они, с твоей точки зрения?

Германович, несмотря на свою паническую боязнь отклониться от официального курса, в душе свой предмет любит и в определённых рамках плюрализм мнений разрешает. Но я это понял не сразу.

А мне всё кажется насквозь очевидным, чтоб упираться в официальную точку зрения.

– Я бы начал с того, что в нашем учебнике, как и много лет до этого, причиной Второй Мировой войны называется исключительно желание Германии реванша за Первую Мировую.

– И что тебя не устраивает в такой трактовке? – втягивается в спор Германович, в котором учёный иногда берёт верх над функционером.

– Мне кажется, мы по инерции переоцениваем роль Системы и недооцениваем роль Личности.

Историк выжидательно молчит, потому продолжаю:

– Тимур Германович, повторяю: процитировать учебник дословно могу хоть сейчас. Но раз зашла об этом речь, то лично моё мнение: все войны, которые сейчас считаются «острыми», начинались не из-за вражды народов. А исключительно из-за разногласий политиков, определявших курс государства. Могу аргументировать.

– Мы все внимательно следим за ходом твоей мысли.

Историк присаживается на свой стол, скрещивает руки на груди. По некоторым теориям, это является признаком то-

го, что подсознательно он уже настроен на отторжение всего, что я скажу. На эмоциональном уровне, не подключая критичность и логику. Если психологические теории не врут, это печально. Как по мне, педагог не должен давать волю эмоциям.

– Мне кажется, ни о какой демократии в тридцатые и сороковые годы двадцатого века речь не идёт в масштабах всей планеты, – я из любопытства прочёл всё, до чего дотянулся, про этот период. И не только по-русски. – Все без исключения страны были очень авторитарными и автократичными. Даже в той стране, которая себя сегодня считает Самой Демократичной, – пережидаю смешок класса, – президента Франклина Рузвельта профессиональные историки считают диктатором. Свои родные Самые Демократичные историки. И именно после него был введён лимит на правление в течение не более чем двух президентских сроков подряд.

– Правление – не тот термин в данном контексте, – перебивает меня историк. – И какое это имеет отношение к теме?

– Секунду. Есть мнение, что немцы – очень дисциплинированная нация. Если бы Главнокомандующий Гитлер отдал им приказ не наступать на Советский Союз, а строить дороги либо выращивать помидоры, они бы подчинились? Или, вопреки воле Фюрера, Вермахт согласовал бы действия с Люфтваффе, Кригсмарине, и они дружным конгломератом всё равно двинули бы на СССР?

– Ты очень упрощаешь, – недовольно морщится исто-

рик. – Давление различных социальных кругов и политических групп на первое лицо государства ты исключаешь?

– На Гитлера – однозначно, да, – киваю в ответ. – При маниакальном синдроме значение чьей-то альтернативной точки зрения для пациента равно нулю. Это мнение не лично моё, а сегодняшней доказательной медицины вообще и психиатрии, в частности. Я про зависимость самооценки от внешних факторов при мании. Надеюсь, с диагнозом Гитлера вы согласны?..

– ...это очень хорошая отмазка, Тимур Германович! В анализе опираться только на те факты, достоверность которых подтверждена документально! А как быть, если как раз документы-то и были специально уничтожены согласно приказу? – горячится Юля, которая, войдя в Ученический совет, неожиданно для всех резко сконцентрировалась на учёбе. При том, что училась и до того неплохо. – Или если никаких документов не оформлялось? А приказы отдавались устно либо по телефону, но за неисполнение расстреливали?

– А что думает инициатор дискуссии? – беззлобно косится на меня историк, который сегодня на удивление конструктивно модерирует дискуссию.

Лично я, честно говоря, не ждал от него конструктива. Воспринимал его где-то необъективно и за функционером не видел человека.

Вне зависимости от того, *что именно* каждый из нас теперь будет думать о войне, известный и конкретный факти-

ческий материал усвоен классом на удивление неплохо. Это между делом говорит сам историк.

– А я бы тут вообще начал с конца, – я давно заметил одно несоответствие, но без дополнительной информации никак не могу его оценить. – Тимур Германович, а вот скажите ваше мнение. Вернер фон Браун. Для начала, штурмбанфюрер СС, что бы это ни значило. В США он считается «отцом» американской космической программы. Могу спросить вашу оценку этого? Или вот Сиро Исии. Формально – вообще врач. Клятва Гиппократа, всё такое. А прославился экспериментами на людях, в том числе на беременных женщинах, да ещё – экспериментами по болевому порогу, этапности асфиксии... Повторюсь, все эксперименты – исключительно на живых людях, зато со стопроцентной достоверностью результата. И лично с ним не пообщаешься, умер давно... В 1946 году, по ходатайству генерала Макартура, власти США предоставили ему иммунитет от преследования. В обмен на данные об исследованиях биологического оружия, основанных на экспериментах над людьми. В итоге Сиро не предстал перед Токийским судом и не понёс наказания за военные преступления.

– Хороший вопрос, Стесев, – сводит брови и кивает в ответ историк. – На это, как по мне, годится старая советская точка зрения. Или у тебя снова есть контраргумент?

– Насчёт фон Брауна и Исии против старой точки зрения не возражаю, – видимо, от недосыпа эмоции берут верх и

надо мной. Я тоже завожусь. – Но нигде в советских источниках не мог найти вот какого объяснения. Король Румынии Михай Первый. В интернете пишут, что потомки одесских евреев до сих пор вспоминают румынские оккупационные части, расквартированные в Одессе в тысяча девятьсот сорок первом тире сорок четвертом годах. Говорят, «дорогой смерти» Одесса в этот период во многом обязана именно им... В большей степени, чем немцам и частям СС! При этом, как помним, сам Михай Первый является самым молодым кавалером советского Ордена Победы за всю его историю. Историю ордена, имею в виду. Не даю никаких оценок. Только сопоставляю факты.

– А вот это и будет домашним заданием...

* * *

После нашего вчерашнего демарша с созданием Ученического Совета, говорят, педколлектив не расходился из школы до одиннадцати вечера. Интересно, что они обсуждали? Учащиеся, со своей стороны, подготовились: самые активные предупредили родителей. Пояснили свою позицию. Проинформировали, что КШИ, как конкурент нашего ОЛИМПА, готова принять всех старшеклассников на ту же программу, и даже со скидкой. (Спасибо Роберту Сергеевичу. Он сказал, что специально договариваться не нужно, но в случае необходимости решит вопрос за пятнадцать секунд).

Сегодня утром, до начала уроков, закрытое собрание педколлектива в учительской продолжилось. Из-за этого первый урок во многих классах начался минут на семь позже.

Я, по старой негативной привычке, ждал «отката» и обратки, особенно от директрисы.

Но конкретно историк, от которого конструктива ждали меньше всего, именно сегодня в первый раз на лично моей памяти провёл действительно интересный урок. Даже не так. Дал высказаться каждому, в результате чего даже не читавшие усвоили фактический материал из-за многократного его проговаривания в ходе дискуссии.

Неожиданно.

На перемене зачем-то отписал об этом Лене в ватсаппе. (Почему-то по-детски захотелось поделиться. Самому смешно). Через три минуты от неё приходит ответ:

– Мелкий, есть такой анекдот. Приписывают Марку Твену. Разговаривают два выпускника Оксфорда, возраст двадцать один год. Один говорит второму: «Когда мне было четырнадцать лет, мой отец был большой дурак. Но за последние семь лет он значительно поумнел».

– Иии?..

– М-да... Иди спать. Это я тебе как врач. Отбой. :-*

Прикидываю задачи на сегодня. Поразмыслив, прихожу к выводу, что Лена права. Если не посплю хоть немного, не

смогу ни плавать, ни работать с Анной, ни тем более полноценно тренироваться в зале.

Подумав ещё немного, отправляюсь к школьному врачу. Честно в лоб выкладываю всё. И о том, что ночь не спал, и о том, что моя опекунша – реаниматолог в двенадцатой неотложке и справкой меня прикроет в любом случае.

– Сколько времени собираешься спать? – спрашивает школьный врач, глядя на меня поверх очков.

Задумываюсь. А ведь и правда. Чтоб прийти в себя, хватит и пары часов. Там будет видно.

– Хотя бы два часа. Далее будет понятно по самочувствию.

– Тогда давай так. Выписываю тебе направление к стоматологу. У тебя острая боль. В рамках школьного медпункта ничем помочь не могу. Живёшь от школы далеко?

– Семь минут.

– Ну, тогда туда, обратно, дома спишь свои пару часов. К пятому уроку чтоб вернулся. Или неприятности могут быть уже у меня, – врач опускает глаза и начинает что-то строчить неразборчивым почерком на пустом бланке с печатью лица.

– Понял. Спасибо. Конечно, – беру листик с каракулями у неё из рук.

– Отдашь учителю, у которого следующий урок.

Отдав через минуту справку биологичке на втором этаже, выхожу на улицу и, по закону подлости, чувствую прилив сил. Скорее, уже по инерции иду домой – поспать я себя, если что, просто заставляю. За время прогулки на свежем воз-

духе настроение поднимается. Чувствую себя тем самым Бурагино; я, кстати, вспомнил сказку о нём.

Примерно на половине дороги звонит телефон и голосом Саматова спрашивает:

– Ты куда собрался? В школе же сейчас должен быть?

От удивления мало что не икаю:

– Отпросился домой поспать. Глаза слипаются. Можно сказать, сегодня не ложился. Всю ночь гудели...

– Я знаю, – перебивает меня Саматов. – С опекушкой, Новиков-старший к вам приезжал – у меня это всё отражено... Сколько времени спать планируешь?

– Примерно пару часов, – подумав секунду, продолжаю: – Сом, а ты что, всё время за мной наблюдаешь? – осторожно интересуюсь, чтоб ответить самому себе на возникшие вопросы. – И что, есть какой-то лимит на время моего сна?

– Лимита на сон нет – спи, сколько влезет. И это не я слежу. У нас есть подразделение мониторинга, всё время бдят. В основном, для коррекции маршрутов гэбээров. От них идёт сводка, а я сегодня «на тумбочке» и тебя знаю лично. Вот решил уточнить... Тут всё равно скучно, – признаётся Саматов. – У тебя же стандартные маршруты, стандартное время. А тут – отклонение. А нас всю жизнь призывают очень бдительно относиться к любым отклонениям от стандартных маршрутов. Особенно к не замотивированным.

Судя по тону, делать Саматову сейчас действительно нечего. На меня, видимо, всё же давит недосып, потому про-

должаю его расспрашивать:

– Сом, а эта ваша служба мониторинга... Они из каких источников получают информацию о моих перемещениях? Я вот сейчас никакого наблюдения за собой не ощущаю, – намекаю на личные способности, о которых Саматову хорошо известно. – Или они что, по параллельным улицам движутся???

Действительность оказывается намного прозаичнее. Если бы я чуть подумал, понял бы и сам. Саматов хмыкает в ответ:

– Совсем с ума сошёл от недосыпа? Мы ж не контрразведка и не полиция, наружное – это не к нам. Трассировка телефона. Ты без телефона никуда не выходишь...

– А-а-а... Сом, чуть не забыл! Хорошо, что ты позвонил. Роберт Сергеевич просил тебя сбросить по территориальному менеджеру соседней страны – знаешь, какому – файл, ты сам знаешь какой, в Безопасность...

Ввожу Саматова в курс мероприятий по ту сторону границы, инициированных отцом Лены. Он задаёт ещё несколько вопросов, судя по звукам на заднем плане, параллельно что-то выстукивая на клавиатуре. Потом говорит:

– Понял, сделаю. Вот, всё подготовил.

Пока иду домой, ещё несколько минут болтаем с Саматовым. Оказывается, на грядущей области по боксу будет кто-то выступить и от них; правда, не от самой службы, а лично. Саматов грозитя прийти посмотреть и поболеть, особенно если я подам заявку на их сопровождение, чтоб у него были

формальные основания туда идти по службе. На чём и договариваемся.

Попутно Саматов в разговоре наталкивает меня ещё на одну мысль касательно отторжения трансплантированных органов собственной иммунной системой реципиента, но это буду обсуждать уже с Котлинским. Тема больше по его части.

Попав домой, чувствую, что проголодался. Времени на кулинарные изыски нет, потому вываливаю на раскалённую глубокую сковородку из пачки спагетти, обжариваю их сырыми. Пока они обжариваются в растительном масле, в блендере превращаю пару помидоров в томатный сок и от души добавляю чеснока. Заливаю уже обжаренные сырые спагетти полученной смесью из блендера плюс кипяток. Пока спагетти впитывают воду и из твёрдого состояния переходят в альденте, в ту же сковородку мелко крошу ветчину.

Съев всё содержимое сковородки, заваливаюсь спать, предусмотрительно заведя будильник на интервал в два часа. Проваливаясь в сон, отмечаю мелькнувшую мысль: как там Лена. Я-то из школы просто свалить на два часа могу.

Стоит только уснуть, как телефон квакает, сигнализируя о пришедшем сообщении. Оказывается, чат нашего класса живёт своей отдельной жизнью, трансформировавшись в чат Ученического совета. Сейчас идёт бурное обсуждение обсуждения нашего вчерашнего прямого эфира, а я забыл отключить уведомления.

Саматов вообще настаивает, чтоб телефон у меня всегда

был включен, всегда стоял самый громкий сигнал и чтоб все уведомления абсолютно по всем каналам были настроены на максимальный звук: делу не повредит.

И снова проваливаюсь в сон. На пятнадцать минут.

Потому что через пятнадцать минут раздаётся звонок.

– Привет, спишь? – весёлым басом шутит трубка голосом Бахтина.

– Вы даже не представляете, как вы близки к истине, Олег Николаевич, – бормочу, не открывая глаз. – Но вам всегда рад. Что-то случилось?

– Не случилось ничего, я скорее посоветоваться... Тут жена говорит, полгорода обсуждает какой-то ролик, который вы в школе сделали. Вы решили какое-то объединение организовать?

– Не совсем. Скорее, привлечь внимание к проблеме. Это раз. Организовать дискуссию по теме проблемы, два. Найти решения, которые нас устроят, три. И – программа максимум – попытаться что-то из этих теоретических решений реализовать, – добросовестно докладываю Бахтину, проснувшись окончательно. Исхожу из того посыла, что просто так он интересоваться не будет. Ещё и в рабочее время.

– Как раз то, что надо. У меня же жена молодая, как твоя Лена возрастом. Она в этих соцсетях сидит плотно. И ещё руководство дало совет... Слушай, а ты сейчас говорить-то можешь? Ты не на уроках? – запоздало спохватывается Бахтин.

– Могу, я не в школе. Уже дома на кухне, – с этими словами обречённо шагаю на кухню варить кофе.

В следующие несколько минут Бахтин вываливает свою рабочую проблему и задачу к ней. (Видимо, когда он проговаривает это вслух, мысль лучше структурируется и у него самого).

Проблема состоит в том, что коммунальные службы, незаконно тарифицируя частью – электроэнергию, а частью – горячую воду, кладут в карман до нескольких десятков миллионов долларов. В квартал или в год, как получится.

Со своей стороны, Бахтин затеял какую-то войну, но сразу столкнулся с двумя «но»: во-первых, бизнес и «бизнес» такого уровня – это уже не просто бизнес. А политика. И, несмотря на всю законность процедур, он уже столкнулся с противодействием и ожидает только его усиление. Наш Лидер Государства сейчас не у дел, и демарш Бахтина многими воспринимается как попытка перераспределить пирог в свою пользу. Потому обычной поддержки по горизонтали он сейчас не видит, даже несмотря на свою репутацию.

Люди, в чей карман «капают» дивиденды от незаконной тарификации, хоть и не принадлежат к силовым структурам, но в рамках нашего не до конца правового государства (дословно цитата из Бахтина) имеют свои рычаги сопротивления Бахтину чуть не до бесконечности.

Он обозначил, что стрельба Саматова в КЛИНИКЕ тогда, на посту охраны его жены, тоже прямо связана с этими про-

цессами.

Я добросовестно выслушал всё и вник, после чего Бахтин сделал паузу, а я в неё вклинился:

– Олег Николаевич, у нас есть какая-то задача?

– Задача – это громко сказано, – мнётся Бахтин. Потом, видимо, решается: – Слушай, я же старше и тебя, и жены своей. В этом интернете не то чтобы ничего не понимаю, но в соцсетях точно не секу. А вы этим своим эфиром даже моей жены внимание привлекли – она мне сказала, а я уже тебя узнал. Хотя жена моя школу почти десять лет назад окончила, и ей школьные проблемы сегодня близки так же, как рыбке зонтик. Я что спросить-то хотел... Таким образом можно привлечь внимание не только к проблемам школы? А к проблемам КСК можно?

Набираю воздух, чтоб начать отвечать, но Бахтин продолжает:

– Всё абсолютно законно, но моё руководство опасается, что нам может просто не хватить «веса». Мне мой шеф, кстати, сам посоветовал к блоггерам обратиться, чтоб привлечь внимание и сделать проблему резонансной. Тогда все подковёрные договорняки по теме станут невозможными. Я, стыдно сказать, понимаю, что блоггеры – это тоже ресурс и местами даже власть. Но никого из них не знаю, – снова пытаюсь вклиниться, но Бахтин заканчивает на одном дыхании: – Я, конечно, понимаю, что смешно из моего кресла пацана-школьника теребить и с этим к тебе обращаться, но

если дашь совет или хотя бы просто сориентируешь, что думаешь лично ты, буду благодарен. Времена, как говорится, меняются, и общественного резонанса никто не отменял. А лично мне так сам бог велел этим пользоваться, в силу репутации и жизненной позиции. Но вот как-то не сподобился.

– Олег Николаевич, а почему вы сами не заведёте блог на фейсбуке? Ещё есть Вконтакте и так далее? – спрашиваю в лоб. – Конечно, есть темы, которые вы обсуждать не имеете права. Но наверняка же есть что-то, что вы хотели бы и имели право довести до народа? Наверняка есть ведь темы, которые народ с удовольствием осветил бы сам себе со слов заместителя генпрокурора? Который ещё и «не берёт». Есть же блоги министра МВД, начальника МВД по нашей области. И так далее. Другое дело, что те блоги ведут их пресс-службы, но то уже вопрос десятый... Вот даже на ту чушь, что они несут, подписываются десятки тысяч. А уж на вас-то... Мне кажется, вы сами недооцениваете резонансность всего, что говорится с такой должности, как ваша. Особенно когда это действительно делается в интересах дела и широких слоёв населения.

Бахтин на несколько секунд замолкает.

– Как в том анекдоте: «А что, так разве можно было?», – задумчиво произносит он. – На начальном этапе поможете?

– Всем, чем сможем, – абсолютно искренне заверяю его. – Но вы недооцениваете медийный потенциал своей должности. Я бы на вашем месте вообще начал с прямого эфира в

блоге на фейсбуке. И честно показал бы, на какой машине вы ездите. Не сочтите за насмешку.

– А что, машина как машина, – недовольно бурчит Бахтин и, видимо, автоматически цитирует какой-то фильм: – На ней ещё мои внуки ездить будут.

* * *

После Бахтина мне, к моему счастью, больше никто не звонит, и поспать пару часов у меня получается. Просыпаюсь ровно за пару минут до того, как сработает будильник. За то время, что я спал, мне в фейсбуке приходит уведомление с предложением дружбы от Бахтина. Хорошо, что эти уведомления беззвучны.

Принимаю дружбу и захожу на его страницу. За эту пару часов Бахтин – видимо, пользуясь обеденным перерывом – развил бурную деятельность на поприще соцсетей, обновил давно заброшенный аккаунт, разместил своё свежее фото в костюме, где он имеет ужасно официальный вид. Смотрится забавно.

Как ни смешно, за это время у него уже больше тысячи подписчиков. Почти две, если точнее. Если это за время, пока он обновлял аккаунт, то ему самому надо идти в блоггеры. Впрочем, у него в друзьях, ни много ни мало, и блог Генеральной Прокуратуры (наверняка ведёт кто-то из молодых с самого первого этажа), и сам Генеральный Прокурор. Это

не считая главного военного прокурора, заместителя главного военного прокурора, управления безопасности по области (тоже наверняка блог ведётся пресс-службой) и ещё доброго десятка подобных структур.

Посмеиваюсь про себя: как он только до Саматова с СО-Пом не добрался. Впрочем, не удивлюсь, если у Саматова никакого профиля в соцсетях вообще не окажется.

Автоматом на ходу начинаю читать первый бахтинский пост, тяжеловесным стилем напоминающий, наверное, прессу ещё времён СССР.

«Я – Олег Бахтин, начальник службы специальных прокуроров Генеральной Прокуратуры...

...на текущий момент, находящееся в производстве дело о незаконной тарификации коммунальных услуг двумя ключевыми естественными монополистами не освещается средствами массовой информации никак, несмотря на принципиальное разрешение и даже рекомендации Генеральной Прокуратуры...

...если глянуть на цифры, незаконно выставленные к оплате в виде счетов за коммунальные услуги, становится понятно, что принципы нашей свободной и независимой журналистики стоят немного. Иначе как объяснить тотальное и демонстративное отсутствие интереса к “горячей” теме, затрагивающей интересы без исключения абсолютно ста процентов населения и города, и региона, да и

всей страны в целом? Никого не обвиняю, но как человек, по роду деятельности обладающий всей информацией по теме, однозначно заявляю: речь идёт именно о проплаченном молчании...».

Лично мне читать немного смешно. Официозная неуклюжесть, не имеющая ничего общего со стандартным постом фейсбука, очень режет глаза. Хотя, возможно, я просто привык к иной стилистике: фейсбук лично меня не только и не столько образовывает, сколько старается развлекать.

Далее Бахтин в своём анонсе, три «ха», проехался по продажной журналистике, которая молчит, набрав в рот воды, когда речь идёт о сотнях миллионов.

Выдал тумачков полиции, явно игнорирующей свои прямые обязанности и откровенно опасующейся ввязываться в битвы с сильными мира сего.

Наехал на чекистов областного управления, «явно потерявших нюх и занимающихся не тем, что актуально. А тем, что гарантированно даст как можно больше палок в конце периода».

Плюнул в сторону Нацбюро по противодействию коррупции. Занимающегося усиленным перераспределением ведомственных ништяков, но не алчущим справедливости, если речь о противостоянии с сильными мира сего.

И воззвал к Департаменту Внутренней Безопасности, уже Центрального Аппарата всё тех же чекистов. В лице некоего

Комаровских, которого тегнул прямо в тексте.

Сам профиль этого Комаровских, что характерно, не содержит никаких упоминаний о его профессиональной стезе. Ну, есть просто себе дядечка – вон, фотографии с рыбалки, где он щуку держит. Или вон ещё – фото с дачи, где он, видимо, с внуками что-то пилит в саду.

Интересно, а разве имена сотрудников, занимающих такие должности, не являются государственной тайной согласно Закону о ней же? В целом ряде стран являются – кажется, в том же Израиле.

Несмотря на частичную гротескность и явную неуклюжесть, опус Бахтина постепенно увлёк меня и содержанием, и, как ни смешно, формой. И я дочитал его до конца без какого-либо волевого усилия. Пост, конечно, неуклюжий, но явно искренний и чем-то очень располагающий к автору (интересно, а может быть, что Бахтин – тончайший языковой стилист и заранее на такой эффект и рассчитывал?).

Под постом разгорается нешуточная дискуссия, пока поддерживаемая преимущественно пенсионерами и одинокими матерями, но постепенно набирающая обороты.

Хм, да Бахтин – просто звезда. Или станет ею, если продолжит такими темпами набирать целевую аудиторию в подписчики. Кстати, исходя из его профиля, совсем не видно, что он женат и что у него только что родилась дочь. Попутно отмечаю: большая половина женского пола может его искренне считать холостым и ничем не обременённым, три ра-

за «ха».

Меня, конечно, немного смущает общий посыл текста. Если коротко, его можно описать перефразированным анекдотом: «Все идиоты, один я д'Артаньян». С другой стороны, возможно, Бахтин действительно и бьётся сейчас один против ветряных мельниц – по крайней мере, смотрится очень искренне.

Похихикав пару минут над формой, поудивлявшись содержанию (я и не знал, что у нас такой глубочайший кризис государственного управления, если верить Бахтину в этой статье), ставлю лайк, тегаю половину своих одноклассников и в личке прошу всех репостнуть дальше.

Мне не жалко, но если мы по цепочке сделаем хотя бы сотню-другую репостов, глядишь, и рейтинг самой статьи поднимется.

* * *

В школу прихожу ровно к пятому уроку, как просила врач. Сразу забегаю к ней в кабинет, чтоб обозначиться и успокоить её на всякий случай. Не слушая её возражений, оставляю на её столе большую подарочную шоколадку весом в полкило – мы с Леной любим этот сорт шоколада, у нас таких шоколадок большой запас. Она и выглядит солидно, и за качество не стыдно.

На абсолютно бесполезном, как по мне, пятом уроке, на-

зывающемся «Человек. Общество. Право», разгорается дискуссия с преподавателем. Который, вместо проведения урока по теме, садится прямо на стол, свешивает в проход ноги и начинает задавать вопросы насчёт прошедшего прямого эфира и школьного самоуправления.

Сам препод, достаточно молодой мужик лет под тридцать, работает у нас первый год. Он, кажется, является как бы не студентом выпускного курса юридической академии (точных данных о преподавателях нам специально не сообщают, а именно о нём я почему-то ничего не знаю). У него это явно второе высшее образование, он явно является кадровым действующим сотрудником определённой государственной структуры, а в нашем лицее преподаёт, используя одну из двух разрешённых в их организации лазеек для подработки: написание книг и преподавательская деятельность.

Видимо, с написанием книг у него не очень, а подработка актуальна. Судя по некоторым деталям, опером он не является. Стало быть, покупка машины в течение первого года службы на «левые» доходы ему точно не светит (да, я уже знаю и эти детали от Роберта Сергеевича и от Лены).

– ...опуская вопросы легитимности, мне просто интересны мотивы, – спрашивает он меня, Юлю и её подруг. – У вас всё неплохо с успеваемостью и без общественной нагрузки. Таким откровенным конфронтom вы однозначно привлечёте к себе внимание не только сверстников в сетях, но и педагогического коллектива, с которым вам ещё, худо-бедно, пару

лет жить и, что важнее, сдавать выпускные экзамены. Вы не опасаетесь? – он с искренним интересом смотрит на каждого из нас по очереди. – Вам не кажется, что спокойнее было бы не выделяться из толпы, а мирно дослужить эти два года? В смысле, доучиться...

По классу проносится смешок, он сам тоже улыбается.

Вообще, к нашей дрессировке по своему предмету он относится достаточно формально, утверждая, что кому в жизни понадобится – те сами всё выучат и освоят. А кому не надо, тем впихивать этот предмет бессмысленно.

– Оговорка прямо по Фрейду, – замечает Юля под повторный смешок класса. – Но пусть начнёт Саша, тут он ответит лучше, – Юля стесняется сказать, что эту кашу заварил я.

Мне кажется, сам преподаватель ещё не далеко ушёл от нашего возраста. Интерес его искренний, да и разговор ведётся при всём классе. Потому отвечаю, ничего не скрывая:

– Мне не нравятся шаблоны. Шаблоны решений, шаблоны моделей поведения. Особенно, если это чужие шаблоны, которые создавались не для того, чтобы максимально раскрыть мой потенциал, как личности.

– Как интересно, – оживляется преподаватель. – А для чего, с вашей точки зрения, общество формирует модели поведения? Устаканивая их, как ты говоришь, в шаблоны, которые, как кажется мне, и призваны работать на социализацию?

– Лично я бы выделил, как минимум, два варианта, –

смотрю на него, приподняв правую бровь. – Первый: модели поведения, возникшие в обществе эволюционным путём. Например, институт брака. Мне так кажется. Второй вариант: модели поведения, импортированные в общество извне. Например, Павлик Морозов.

– Ну и пример, – смеётся он. – Но речь-то о школе. Вы уверены, что точно оцениваете ситуацию и что ваш анализ, при долгосрочном планировании, ведёт к вашим целям точнее, чем наработанные Государством и Обществом методики?

– Уверены, – звучит сразу с нескольких сторон.

– Вопрос комфорта, – продолжаю я. – Есть наработанные шаблоны – я сейчас о целях образовательного процесса. Они удобны взрослым: можно работать, повторяюсь, по шаблону, и плюс в том, что не нужно напрягаться. А есть требования сегодняшнего дня. Лично наше мнение: сверка целей образовательного процесса в исполнении педколлектива (с одной стороны) с требованиями текущей обстановки в нашем видении (с другой стороны) должна в наше динамичное время проводиться регулярно. Но этот процесс, с нашей точки зрения, либо отсутствует, либо крайне непрозрачен для нас, чтоб сказать мягко. Мы – то поколение, которое не хочет, что его разыгрывали втёмную.

– Какая интересная терминология... – продолжает посмеиваться каким-то своим мыслям преподаватель. – Нормы старшего поколения, стало быть, для вас тесны?

– У меня дедушка не водит машину. Вообще. Хотя по финансам можем себе позволить, как и все остальные родители конкретно в этом классе. Для него водить – это слишком сложно, да ещё в условиях нашего большого города с загруженными дорогами. И для его поколения это – норма. По крайней мере, за рулём из его ровесников-друзей менее пятнадцати процентов. Его, в частности, и их вообще более чем устраивает общественный транспорт. Потому что навыков для овладения вождением у них нет, и желания их приобретать меньше, чем то количество усилий, которое нужно для этого приложить. И вот мой вопрос: а наше поколение согласно жить так же? Или всё-таки у нас другие требования к уровню комфорта? – мы это обсуждали в классе, а преподаватель права не далеко от нас ушёл по возрасту. Надеюсь, мысли о зонах комфорта старшего поколения, находящегося сейчас у власти в стране в глобальных масштабах и его посещали не так давно. – Ну, и главное. Процессы в нашем государстве вообще очень похожи на процессы в нашей школе: есть Лидер. Он так и называется даже в Конституции: Лидер Нации. В школе его роль выполняет Директор. Общее между ними: их никто не избирал, – улыбаюсь. – И большинство тех, кто им вынужден подчиняться, не довольны качеством их работы. Не довольны тем, как они реализуют свои функции. Даже больше. И наш Директор, и Лидер Нации искренне считают, что они **вправе** определять курс коллектива, который их, по-хорошему, не избирал, но которым они руко-

водят.

Брови преподавателя медленно ползут вверх.

– Потому наш Ученический Совет, стихийно переходящий в митинг школьников – это учебно-тренировочное упражнение на тему **УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ**. Лично я считаю, что **НЕ УПРАВЛЯТЬ** государством нельзя. И управлять им должен **КАЖДЫЙ ГРАЖДАНИН**. Как вариант – через реализацию своего избирательного права, как учит и ваш учебник, – в этом месте взгляд преподавателя успокаивается, и он сосредоточенно кивает. – Наше мнение: если лично ты отстранишься от этой функции, лично для тебя твоё Государство будет неуправляемым. Я в таком мире жить не хочу. Чтобы строить другой мир, надо учиться. Мы просто тренируемся: человек, пока жив, вообще имеет право на многое...

На следующем этапе становится понятно, что какой-то профессиональный интерес нашего преподавателя берёт верх над педагогическими задачами, и он, вступая в дискуссию, наводящими вопросами выясняет для себя наши намерения и цели. В таком вот общении проходит весь урок, в результате которого, правда, весь класс дружно получает пятёрки.

Неожиданный финал. Похоже, наш лицей – просто какая-то развлекуха для нашего преподавателя.

На перемене после пятого урока иду в столовую – поесть дома не успел. В столовой быстро набираю суп, салат и котлету, сажусь есть за самый угловой столик: до следующего урока всего десять минут.

Между моими супом и котлетой в столовую развинченной походкой вваливается Сява и, не глядя ни на кого, направляется к раздаче. Где нагребает полный поднос еды и плюхается за соседний стол. Видимо, он набирал сразу на троих, поскольку ещё через минуту к нему присоединяются Белый и Сериков. Я по инерции торможу от недосыпа, потому не сразу соображаю *взглянуть* на их мозги. После чего отодвигаю котлету и пишу Лене:

– Тут эта «святая» троица – опять точно датая. В столовой жрут, как не в себя. Вижу, что чем-то задвинулись. Тормозят, говорят растянута, протягивая гласные. Как-то неестественно. Ты просила тебе свистнуть, если это опять случится.

Ответ от Лены приходит почти молниеносно:

– Поняла. Спасибо.

И ещё через минуту:

– Сейчас будут приниматься меры. Блин, менты могут протянуть несколько минут, я с ними через батину СБ кон-

тачу. Мелкий, ты там подстрахуешь?.. 0_0

– Да, конечно.

Ещё буквально через полторы минуты в столовую влетает завуч по воспитательной работе. Она оглядывается по сторонам и сходу направляется к столику троицы, где пытается взять быка за рога:

– Посмотрите мне в глаза!

– В чём дело? Мы просто едим, – ненатурально и фальшиво выдаёт Белый, пытаясь изобразить лицом негодование. Но мимика получается какой-то смазанной и вообще больше похожей на гримасу.

– А в чём дело? – следом за Белым почти нормальным тоном удивляется Сериков, который, видимо, либо принял меньше, либо переносит дурь лучше.

Завуч смотрит в глаза всем троим и с удовлетворением бросает:

– Вот сейчас и разберёмся, в чём дело. Сидите тут и ждёте.

– Чего ждём? Кого ждём? – с идиотской ухмылкой прищуривает глаза Сява. – Мы уже доедаем, у нас урок скоро.

– Будут вам сейчас уроки... – бормочет завуч, что-то ожесточённо набирая в телефоне.

Через несколько минут в столовую, сопровождаемые завучем старших классов, входят двое мужчин в белых халатах, по виду – врачи скорой помощи.

– Полиции ещё нет, но должны скоро подтянуться, – на-

пряженно и достаточно громко говорит она завучу по воспитательной работе на ухо.

– Э, какая полиция? – резко вскидывается Сериков.

И его мозг загорается всполохами агрессии, но это вижу только я.

Не говоря ни слова, он поднимается и пытается, отстранив стоящих вокруг него взрослых, пройти по направлению к выходу, но ему резко преграждает путь один из врачей:

– А ну-ка смотри мне в переносицу, – говорит врач, как-то неожиданно быстро разворачивая голову Серикова за подбородок к свету. Сериков в ответ, не говоря ни слова, сбивает руку врача и второй рукой почти бьёт его в грудь, но я уже «проснулся» и со своего места толкаю дебошира в бок, от чего он теряет равновесие, отшатывается на вторую ногу и вместо удара просто взмахивает рукой.

Дальше события несутся вскачь.

Завучи стоят, широко раскрыв глаза и не зная, что делать.

Доктора быстро перегруппировываются, отступают на шаг назад и внимательно следят за троицей.

Сява и Белый, покачиваясь, начинают выбираться из-за стола.

Сериков, восстановив равновесие, бросает взгляд на меня и на секунду зависает. Видимо, в результате нашего общения какой-то рефлекс у него всё же выработался...

В этот момент в столовую входят трое в форме полиции – один старший лейтенант и двое сержантов.

– Что происходит? – как-то свысока бросает старший лейтенант, оглядывая окружающих.

– Вам должны были позвонить и объяснить причину вызова, – твёрдо отвечает завуч по воспитательной работе. – Если этого не произошло, пойдёмте в кабинет директора и продолжим там.

– Сейчас разберёмся, кто и куда пойдёт, – неприязненно глядит на завуча старший лейтенант без какой-либо на то причины.

– Э-э-э, стоп-стоп-стоп, – машет руками тот самый из врачей, который разворачивал лицо Серикова к свету. – У этого интоксикационный психоз. Нужно проверить, – он указывает рукой на Серикова. – У этих двоих – как минимум, интоксикация по наркотипу. Несовершеннолетние, давайте их к нам.

Все взрослые на секунду замирают – видимо, обдумывая услышанное, но тут «просыпается» и Сериков. Он в упор сверлит старшего лейтенанта взглядом, после чего говорит ему:

– Кальмаров, ты что, решил тут до вечера одупляться? Меня домой.

Взгляд старшего лейтенанта в этот момент утрачивает своё пренебрежительное превосходство, становится бегающим, и лично мне это откровенно не нравится.

Я в курсе планов руководства школы и Лены по поводу этой тройцы, но, видимо, с полицией произошла какая-то на-

кладка. Наряд мало того, что прибыл с опозданием, но ещё и не собирается выполнять предписанное. Странно. Есть всё-таки регламент.

Взрослые препираются ещё минут пять.

Завучи настаивают на взятии анализов у троицы. Доктора, в принципе, эту позицию поддерживают, но требуют от полиции сопровождения и какого-то внесения чего-то там в базу через планшет. Полиция в лице сержантов вообще отмалчивается, а в лице старшего лейтенанта тормозит и в итоге вообще становится не на то сторону:

– Так, сейчас все задерживаются. Хватит бардака, – командирским голосом вещает старший лейтенант. – Едем в отделение, там будем разбираться.

– И кого вы собрались задерживать? – спрашиваю со своего места. – Завучей прямо в школе? Или врачей? Из-за неудобных диагнозов?

Ситуация идиотская. Я не могу проигнорировать просьбу Лены о подстраховке, но категорически не понимаю, что делать.

Это как скомандовать подразделению «ОГОНЬ!», но не распределить сектора и не обозначить цели...

– Раз такой умный, поедешь с нами, – бросает мне через нижнюю губу старший лейтенант, косясь на Серикова, который делает ему какие-то загадочные знаки в направлении меня. – Щ-щас и тебя оформим, чтоб пиздел поменьше.

– Господин лейтенант, вы это сейчас кому сказали? Я про

обращение «на ты» и про мат, – мне очень неприятно – ощущение, как будто выкупался в дерьме. Но и вариантов для других действий, к сожалению, не просматривается. Потому сверлю его взглядом, поднявшись на ноги и подойдя к нему вплотную.

– Тебе, умник, – бормочет старший лейтенант, отступая за спины сержантов. – И поживее! – за спинами сержантов его голос заново обретает уверенность и командные нотки.

У меня раздрай смешанных чувств, потому веду себя крайне неконструктивно:

– А ты хуй у белки видел? – нарочито весело спрашиваю его и демонстративно сажусь обратно на стул. Кнопку в кармане я уже нажал, норматив на прибытие группы невелик...

* * *

Школьная столовая.

Полицейские переругиваются с врачами и двумя женщинами-преподавателями, пытаюсь подойти к сидящему за столом взросло выглядящему подростку, доедающему котлету. Ещё трое крупных подростков стоят чуть в стороне и о чём-то тихо переговариваются.

В столовую входят двое подтянутых мужчин среднего возраста, в форме без знаков различия, с двумя автоматами, выведенными в горизонт. Парень, доедающий за столом

котлету, машет им из-за стола рукой.

Автоматчики неспешным шагом приближаются к группе спорящих взрослых, не выпуская никого из виду и явно разобрав между собой цели – всех находящихся в столовой людей, стоящих рядом с махнувшим им парнем.

– Группа быстрого реагирования, ОХРАНА ТЕХНО СЕРВИС, – представляется старший из двоих автоматчиков полицейским. – Осуществляем охрану объекта. Какие-то проблемы?

– Собираются меня задерживать, – отвечает вместо полицейских подросток, который ест котлету. – Безосновательно. Я против. Должны были этих троих, – кивок в сторону отдельно стоящей тройки подростков, – сопроводить в больницу для сдачи анализов на наркотики в крови. Старший лейтенант, – кивок в сторону полицейских, – всеми силами старается спустить вопрос на тормозах и не допустить выполнения врачами своих функций. Находится в личных отношениях с одним из тех, кого надо задержать для сдачи анализов.

Лица полицейских по мере этого монолога вытягиваются, старший лейтенант выдавливают:

– А вы кто такие? Ваши документы! Этого, – кивок сержантам в сторону подростка с котлетой, – в машину!

– ОХРАНА ТЕХНО СЕРВИС, – второй из автоматчиков подходит к полицейским вплотную, упирая ствол автомата в живот старшего лейтенанта. Автомат снят с предохра-

нителя. – Патрон в стволе, по инструкции. Не нужно шуметь. Ты тупой или инструкций вообще не читаешь? Никто никуда не поедет.

Дальше автоматчик говорит тихо – кроме полицейских, его никто не слышит.

– Кто твой куратор? – бросает подростку с котлетой через плечо второй автоматчик спустя минуту.

– Капитан Саматов.

При этих словах лица полицейских неувлимо меняются. Видно, что они начинают что-то напряжённо сопоставлять, пытаясь отойти подальше.

* * *

ГБР прибыла даже быстрее, чем через три минуты. Услышав фамилию Саматова, полицейские почему-то сдулись в один момент и под негодующими взглядами Серикова-младшего дали мне связаться с Леной.

– Вот же козёл! Это не тебе, Мелкий, – бросает Лена в телефон. – Это про эсбэушного начальника смены сегодня... Вот же мудака... Ждите. Пять минут. Спрячься за саматовцев и никуда не езжай.

– И в мыслях не было, – заверяю её. – За ТЕХНОСЕРВИС прятаться не нужно – полиция уже ведёт себя нормально.

Минут через десять в столовую залетает взмыленный полицейский подполковник в форме. Перекинувшись па-

рой слов с автоматчиками, бдительно оградившими меня от остальных в столовой, подлетает к старшему лейтенанту с сержантами и, не стесняясь, минуты полторы прямо в школе поливает их матом. После чего уже четверо полицейских берут в оборот Серикова и компанию и в сопровождении с интересом глядящих по сторонам врачей убывают на экспертизу.

* * *

– А как вы меня нашли? – спрашиваю автоматчиков, провозжая их к выходу из школы. – Тут же несколько этажей, куча помещений?

– Твой пульт – в том числе радиомаяк, – неохотно бросает старший. – И по вертикали, и по горизонтали. Плюс после твоей активации пульта мы к твоему телефону подключились. Слушали ваш разговор, пока ехали, и было ясно, что ты в столовой.

– И не знал, что так можно...

– Ладно, бывай, дальше мы сами, – «саматовцы» топают по аллее в направлении тонированного микроавтобуса, запаркованного прямо на территории школьного двора.

* * *

– Мелкий, извини, – приходит в ватсаппе ещё через минуту. – Я по запарке сбросила в СБ заготовленную смс-ку. А старший смены, видимо, занят какими-то своими важными делами. Там всё нормально? Боже, как мне перед твоей школой неудобно...

– Не буксуй :-* Всё нормально. «Троицу» забрали. Приехал какой-то подполковник из ДВБ, дал трендюлей старлею и вместе с врачами покатали этих троих на анализ. Никто не пострадал. Завучей я зауважал, они прям как тигрицы... м-да...

– С какими врачами на анализ повезли?

– Не знаю. Приехали двое в белых халатах.

– Так из них только один врач. Второй – медбрат.

– **0_0** тьху блин. А я откуда знаю? На вид оба врачи. Оба в возрасте, оба в халатах.

– Пха-ха-ха, шутю я... Спужалси? :-)

– Да. Ещё и шестой урок пропустил. Лучшие бы дома спал: на пятом тоже лабудда была.

* * *

На шестой урок я закономерно не попадаю: когда возвра-

щаюсь, проводив ГБР до выхода, завучи просят меня пройти с ними в учительскую, где садятся по обе стороны от меня и начинают бомбардировать вопросами:

– Саша, у тебя есть идеи, что запишут в анализах крови?

– Я не специалист, но наркотики в крови точно определяют.

Либо алкоголь, если это был он. Либо – и то и другое.

– Мы очень благодарны твоей опекунше, но что это был за инцидент с полицией? – тщательно подбирает слова завуч по воспитательной работе.

Глядя на них, понимаю, что у женщин сейчас просто стресс. Что они до чертиков боятся Серикова – вернее, столкновений с его отцом. Что они давно мечтали закрыть вопрос с наркотой в школе, но не имели возможности. Кажется, им сейчас всё равно, о чём говорить.

– Я не успел подробно обсудить вопрос со своей опекуншей, но из контекста понимаю, что произошла накладка, – внимательно смотрю на женщин по очереди, бросая на каждую частоту покоя. – Детали строго между нами, хорошо?

– Конечно! – синхронно заверяют меня оба завуча и старательно придвигаются поближе ко мне.

– Она сейчас на дежурстве в неотложке. Чтобы забрать на анализ нашу «троицу», по закону необходимо взаимодействие полиции и медицины. Медицину она организовала с полпинка, поскольку сама врач.

Завучи смотрят на меня, как бандерлоги на Каа, и в этом месте понимающе кивают несколько раз.

– Полицию организовывал сотрудник её семьи. Который, видимо, формально отнёсся к поручению и не проконтролировал прибытие «правильного» экипажа.

– А правильный экипаж – это какой? – сводит брови завуч старших классов.

– В нашем случае, готовый действовать по закону, не оглядываясь на потенциальное влияние отца Серикова. Как и родителей остальных – я про Сяву и Белого, но про тех я не знаю, кто там родители.

– А про родителей Серикова откуда знаешь? – поднимает правую бровь завуч по воспитательной работе.

– Пересекались лично с отцом. Как раз в тот момент, когда его арестовывать пришли, – отвечаю без утайки, глядя ей в глаза. – Ну, и есть ещё личные моменты, но о них, наверное, не стоит.

Не рассказывать же ей, что я и сам не разобрался: были ли нарушения при моём задержании следствием обычного голловотяпства исполнителей или Сериков реально так поставил работу в своём райотделе, что его и без натяжек есть за что арестовывать. И это будет только справедливо.

Почему-то на ум приходит опять история. Я далеко не фанат ни Сталина, ни периода 1930–1960 годов. Но насколько нам преподают на истории, при всех беззакониях, творившихся в те времена, о проблемах с добросовестностью на местах речь не шла. И образ Жеглова у братьев Вайнеров, который, не задумываясь, отдаёт свой и Шарапова паёк до конца

месяца чужим детям, – никак не натяжка. Хоть сам Жеглов далеко не ангел, но ради своих нематериальных ценностей он выкладывался на все сто. И в его системе ценностей бабло точно не фигурировало ни в первой десятке приоритетов, ни в первой сотне.

По части компетентности и профессионализма райотдел конкретно Серикова меня ничем не поразил. К сожалению.

– Я нахожусь под охраной по ряду обстоятельств, о которых мне рассказывать запрещено. И буду вам очень благодарен, если и вы дальше эту информацию не распространите, – не вижу смысла скрывать от них очевидное, тем более что они видели прибытие ГБР своими глазами.

Завучи снова кивают, глядя на меня, как загипнотизированные. Интересно, а если бы здесь сейчас был Али Шафетович? Он бы их быстро привёл в чувство?

– Когда лейтенант из «неправильного» экипажа собрался нас всех забирать, прибыла моя охрана, – продолжаю убаюкивать их голосом. – У их организации приоритет по закону выше, да и процедуры полиция явно нарушала, вы сами видели.

Сбрасываю в кармане входящий звонок, чтоб не прерывать разговора с преподавателями, и продолжаю:

– Прибывшая охрана дала возможность повторно связаться с опекушкой, и она лично устранила недоработку сотрудника.

– А этот подполковник, что приехал и порядок навёл, он

кто? – постепенно оживая, интересуется завуч старших классов.

– Дэвэбэ. Департамент внутренней безопасности – видимо, из управления по городу, – удивлённо смотрю на неё. – Он же сам представился.

– Да мы не поняли, – смущается завуч по воспитательной работе. – Мы ж не в курсе оргструктуры полиции.

Хм. Не перестаю удивляться этому миру. Взрослые и самостоятельные люди проживают целую жизнь, не удосуживаясь позаботиться об изучении деталей мира, который их окружает. Более того, деталей общества, обеспечивающих их личную безопасность.

– Мне опекунша сообщит вечером, чем закончились анализы и что дальше, – добавляю, замечая радость в глазах обеих завучей. – Если хотите, перешлю вам на ватсап. Но это будет после десяти вечера.

* * *

Выходя из школы, перезваниваю на номер, с которого звонили во время моей беседы с завучами:

– Добрый день. Вы только что звонили мне, я не мог разговаривать.

– Саня, привет! Это Тимур! Можешь говорить?

– О, привет, пропажа, – улыбаюсь. – Давай, я тебя наберу? Чтоб ты свой баланс не тратил?

– Не нужно. У меня безлимит, – солидно отвечает Тима. – Мне от твоей Лены и телефон привезли, и он сразу со стартовым пакетом был. Лена говорит, чтоб я всегда на связи был.

Точно. Мы так и собирались сделать, но Лена, видимо, вообще поручила это каким-то ресурсам компании отца.

– А кто телефон привёз? – спрашиваю на всякий случай.

– Так из банка. Он привёз, и тут же перезвонила Лена – она разве тебе не сказала?

– Видимо, забыла. Тима, я тебе очень рад, но сейчас буду бежать. На бегу разговаривать неудобно, – продолжаю улыбаться. – Слушаю тебя внимательно.

– Можешь помочь с работой?

– Так. С этого места подробнее, – я даже останавливаюсь.

– На прямом эфире, когда в КЛУБЕ ЧЕМПИОНОВ в вашей школе ты выступал, ты сказал, что за лето заработал три тысячи долларов. Ты, как и я, несовершеннолетний. Значит, какая-то работа возможна. Вот и я тоже хочу, как ты.

Вообще, тут, конечно, есть прямой конфликт. Логики и закона. Эксплуатация детского труда, с одной стороны, не комильфо. Но лично мой дед уже в семь лет кормил гусей, засыпал корм пороссятам, а ведро весит до двенадцати килограммов, на секунду.

И никому в семье и в голову не приходило его от этого детского труда освободить. Иначе семья просто не выжила бы.

– Тима. Есть работа на мойке, по крайней мере, я там на-

чинал. Ничего не обещаю. Поговорю.

* * *

– ...Ну, даже не знаю, что сказать, – разводит руками Смоляков, затем подходит ко мне и мощно хлопает меня по плечу, чуть не сбрасывая обратно в бассейн. Из которого я только что выбрался после серии пяти заплывов по восемьсот метров в разных режимах.

– Виктор Александрович, ну не томите, – прошу его. – Сколько?

– Как ни смешно, из восьми с половиной минут вышел.

– Ну-у-у, это не интересно, – разочарованно тяну в ответ. – Не понимаю вашей радости. И раньше же выходил. Что такого...

– Раньше ты выходил только на соревнованиях. После периода подготовки. А сейчас вышел на тренировке, и на каждой из дистанций, – выдержав мхатовскую паузу, едва не светится Смоляков.

– Ух ты, – а вот тут от радости и я готов его расцеловать. – Я же силы экономил, рассчитывал и растягивал! Чтоб все пять раз нормально доплыть!

– А я о чём, – довольно улыбается Смоляков.

– Это же если настроиться, то...

– Вот-вот, – суеверно перебивает он меня, не давая завершить самовосхвалительную фразу.

Вообще, хвалить себя на перспективу у нас в команде считается, и правда, плохим тоном.

– Я тебе что сказать-то хотел... – Смоляков начинает в каком-то странном возбуждении ходить по бортику, даже не глядя на остальных спортсменов, которые ещё тренируются. – Как ни смешно, но лично твои результаты растут. Ты бы всё же подумал, чтоб не зарывать талант? Стоит, как считаешь, подумать о сборной?

– Там надо сфокусироваться только на этом, – машинально отвечаю ему. – На самой сборной, в смысле.

Результат сегодня действительно более чем неплох, но в сборной всего себя нужно отдавать только сборной. А у меня несколько сместились приоритеты.

– Да, там первое дело – концентрация, – обречённо кивает Смоляков.

– Ну, видите... Виктор Александрович, я бы и рад. Не смогу. Мне это просто не интересно, понимаете?

– Саша, ну как может быть не интересным плавание человеку, который однозначно выше норматива мастера спорта гребёт? – начинает горячиться Смоляков.

– Виктор Александрович, не подменяйте понятия. Плавание мне интересно. Мне не интересно сто процентов своего личного времени по факту отдать в управление чужому человеку.

– Ты сейчас о чём? – Смоляков отвлёкся на промежуточные финиши женской команды и не понял, что я имею в ви-

ду.

– Все мои результаты в плавании – это итоги работы над собой под лично вашим руководством. Вы согласны?

– Ну-у-у, тебе и от природы много дано, – не соглашается Смоляков. – Мне кажется, у тебя с любым тренером результат был бы таким же.

– У меня совсем другое мнение. Виктор Александрович, вы согласны, что при работе «на результат» в сборной неизбежны и конфликты, и ругань, и напряжёнка в отношениях?

– Не согласен, – отрезает Смоляков. – Очень зависит конкретно от тренера.

– Вот. С вами я сработался. Сплавался. А доверие к чужому человеку – тренеру гипотетической сборной – у меня будет нулевое. И полный негатив на все его замечания, которые будут расходиться с моим видением тренировочного процесса. А они будут, эти замечания...

– То есть, если предположить, что программу тренировок сборной ты проходил бы лично со мной, а не с кем-то незнакомым, то ты бы мог согласиться просто попробовать?

– В таком разрезе – да, – задумчиво отвечаю. Уж больно сегодня результат хорош... – Но всё равно график тренировок нужно будет согласовывать чуть ли не вручную: у меня есть не менее важные вещи. При всём уважении, Виктор Александрович, просто поверьте, – кладу ладонь на руку вскинувшемуся было Смолякову и бросаю на него частоту покоя.

* * *

Заболтавшись со Смоляковым, который не упускает инициативы и так выдавливает из меня намерение попробовать потренироваться ещё плотнее, задерживаюсь в бассейне. До КЛИНИКИ опять бегу пешком, поскольку Лена на дежурстве. И экономить моё время некому.

Хорошая идея Вовика о том, что меня возят они с Леной, частично накрылась: во-первых, Вовик свободен далеко не всегда. Во-вторых, Лена периодически дежурит сутками. С другой стороны, за любую помощь – спасибо.

* * *

– Что, Анна опаздывает? – добродушно спрашивает Котлинский, традиционно разливая чай по чашкам.

Мне на телефон, по пути в КЛИНИКУ, позвонила Анна, извинилась и сказала, что сегодня будет чуть позже.

– Да, – киваю ему. – Я на автомате согласился, а теперь вот думаю – не погорячился ли. Время расписано, как бы дальше из графика не выбиться...

– Тебя подброшу, – по-прежнему добродушно бросает Котлинский, отпивая из чашки. – Форсмажор, так сказать, по вине клиники: опоздание пациента. А у неё же тот случай,

когда терапию пропускать нельзя...

Котлинский с постоянством, заслуживающим лучшего применения, продолжает называть наши действия терапией, а я уже и не спорю.

– Тем более, они сейчас начали погашение дебиторской задолженности по их собственной инициативе, – продолжает прихлёбывать чай Котлинский, – так что не будем обострять. Подождём её сегодня, сколько надо.

– Что есть дебиторская задолженность? Раньше не сталкивался.

– А-а-а, да, ты ж не в курсе... Это их финансовые обязательства в наш адрес, исходя из подписанных обеими сторонами договорных обязательств.

– Ничего себе. Так у нас с ними и договор есть? – широко раскрываю глаза от удивления.

– А ты как думал? – не менее удивлённо смотрит на меня Котлинский. – Есть, как говорят по телевизору, правовое поле. Есть Гражданский Кодекс. Во всех действиях нужно стремиться оставаться как можно ближе к законодательству.

– Да по мне как-то кощунственна, – откровенно делюсь ощущениями, – сама идея поднимать тему договора в отношениях конкретно с Анной.

– Знаешь, тут не согласен, – отрезает Котлинский. – Не буду ни спорить, ни аргументировать, но именно по этому пункту предлагаю тебе лично дорасти до директора и хозяйина в одном лице хотя бы компании из двадцати человек, а

потом вернёмся к этому разговору. А я с удовольствием у тебя поучусь, как управлять отношениями без договоров. Со всеми... С поставщиками, клиентами, сотруidниками...

Похоже, Котлинский обиделся на слово «кощунство».

– Извините, – улыбаюсь. – Не хотел обидеть. Видимо, в силу возраста склонен недооценивать материальные аспекты. Вообще, с самого начала же договорились: управление финансами и отношениями с клиентами – не моя тема. Простите дилетанта, мне вообще не следовало выражать свою точку зрения по вопросу...

Котлинский ошутимо смягчается, подливает в обе чашки чая и тоже отыгрывает назад:

– Согласен. Знаешь, справедливости ради, ты не один такой. Недооценивающий материального... Стеглов вон – твой астральный близнец... Так что это было абсолютно правильное решение: лечит один человек, очередь и финансами управляет другой...

– Кстати. Я вот хотел спросить. Сегодня один из СГО надумил. Игорь Витальевич, а что вы можете сказать об отторжениях при трансплантации?

Котлинский на секунду замирает с чашкой в руке, переключая мозги на другую тему, а я продолжаю:

– При трансплантации тест на совместимость какие пункты анализирует? Чтоб донорский орган реципиентом не отторгался?

– Если без длительных пояснений, то комплекс анти-

ген-антитело, – смотрит на меня поверх чашки Котлинский. – Там сложно сходу быстро объяснить. Учитывая нашу разницу в подходах. У нас сейчас столько времени нет. Но если вопрос серьёзно задан, то давай займёмся твоим дообработанием. Стеклов так вообще счастлив будет. Только, по моему, это тупик... Тест называется HLA. Можешь сам почитать на досуге.

– Спасибо, не надо ничего глубоко объяснять. Мне как раз в таком виде ваш ответ и годится. Я уже вижу, что, как и в случае с онкологией, наша медицина на клеточном уровне анализирует, как мне кажется, «химию», а не «физику». Уже из ваших слов вижу. Что рабочие частоты не сравниваются и не анализируются. Соответственно, сверка частот имплантируемого органа с частотами «системы» реципиента не производится. В итоге, там резонанс или его полное отсутствие – это угадка. А далее, все терапии по подавлению отторжения имплантированного органа – видимо, корявая попытка стабилизировать частоты химическим путём... вводя в каналы коммуникации нервной системы некие «усредняющие» колебательные контуры... В виде добавок...

Лицо Котлинского, по мере моей тирады, вытягивается, потом он осторожно ставит чашку на стол:

– Ты не слишком с места в карьер? Может, лучше сначала «на кошках»? Отторжение донорских тканей – та ещё проблема... Я, честно говоря, слегка в шоке. Знаешь, есть такой «комплекс бога»...

– Знаю, – перебиваю Котлинского. – Это не проект, Игорь Витальевич, это просто попытка проанализировать сферы применения нашего... м-м-м... метода, – дальше широко улыбаюсь и продолжаю: – Пользуясь свободной минутой. Я вот совсем не понимаю, как два разных набора частот – донорского органа и реципиента – приводить к общему знаменателю. Одна из частей системы однозначно будет угнетаться...

В этот момент с извинениями входит Анна, и Котлинский, выходя из-за стола и незаметно указывая глазами на Анну, на ходу к двери завершает:

– В отличие от текущего профиля, в этом вопросе понадобится же, сам понимаешь, целая смежная клиника, ещё и за рубежом. Трансплантологи для совместных исследований – это никак не у нас...

* * *

Бокс чуть не накрывается медным тазом.

Сергеевич в зале смешно вертится перед зеркалом, с разных сторон рассматривая, как на нём сидит новый костюм, с которого даже не спороты этикетки.

Зеркала в залах бокса, как и в танцевальных, большие: во всю стену, от потолка до пола.

Лицо Сергеевича излучает одухотворённость, мечтательность и полное творческое удовлетворение. Каждому прихо-

дядьке он, не отрываясь от своих мыслей, кивает на скамейку, где мы переодеваемся, и говорит одно слово:

– Разминайтесь!

Понаблюдав за Сергеевичем минут пятнадцать, потихоньку спрашиваю Севу (до шестидесяти килограммов):

– Что это с ним?

– Вот уже скоро третий час как разминаемся, – раздражённо бормочет Сева. – Сейчас ещё минуты три повертится, потом сам увидишь...

Через три минут Сергеевич, кивнув очередному вошедшему на скамейку, говорит ему же:

– Вот, подарили сегодня! – и зардевается лёгким румянцем. – НО – есть «но». На семнадцать лет моложе! Вот думаю... Не вернуть ли...

Скамейка, включая меня, в этом месте взрывается мало что не лошадиным ржанием (видимо, эту сентенцию Сергеевич уже повторял сегодня не раз), и Дима-полутяж рубит в лоб:

– Сергеевич, мы вас уважаем. Если она моложе вас на двадцатку и дарит костюмы, то лично я уважаю втрое! Но это, Сергеич... А БОКС СЕГОДНЯ БУДЕТ?!!

Это вырывает Сергеевича из сонма грёз о какой-то загадочной сорокаторрёхлетней красавице, которая, судя по всему, взялась подкатывать к Сергеевичу. Сергеевич рассеянно оглядывает нас, видимо, выныривая из каких-то грёз, и рас-

терянно отвечает:

– Бокс будет. Но – на семнадцать лет моложе!

– А вроде и не весна, – бормочет Дима-полутяж, семена с пятки на носок от скамейки в сторону зала. – Сергеич, у меня со связкой что-то – это точно не от ваших гантелей?..

Наконец, приход Вовика ставит точку в душевных метаниях Сергеевича. Вовик, перекинувшись парой слов с остальными, сразу со скамейки тащит Сергеевича в тренерскую, они отсутствуют в течение трёх минут, а потом появляются вместе, при этом Сергеевич уже полностью адекватен.

Когда очередь в тренировочном процессе доходит и до меня, он спрашивает:

– Лена где?

– Сегодня на дежурстве, они же сутками.

– А-а-а, ну ладно...

– Она будет ходить. Мы это обсуждали. Просто во все дни, кроме рабочих.

– Да без проблем. Лишь бы на пользу.

После тренировки, от греха подальше, Сергеевича домой везёт Вовик. Который в итоге отбивает в наш спортчат смску:

Вовик: Довёз. Домой проводил. Эта фемина на кухне, звала пить чай, но Сергеевич сказал выметаться.

Дима_вес: А что за фемина-то?

Вовик: *Очень даже вполне...*

* * *

Примечание:

В «НЕКРОМАНТЕ» уже постил,

Асель Баяндарова, звезда казахстанских соц. сетей, врач, в прошлом – реаниматолог.

Ей в этом месяце как раз будет 43:-)

Это – просто иллюстрация, какую женщину сорока трёх лет чисто теоретически Вовик мог увидеть рядом с Сергеевичем в его квартире. В фейсбуке есть ещё куча её фотографий в купальнике (она – доктор антивозрастной терапии), как иллюстрации процессов антистарения, но тут постить не буду, поскольку Вовик её мог видеть только полностью одетой:

* * *

После бокса забегаю на мойку. Стёпа с Андреем, судя по тому, что вижу, набрали уже четыре машины, две из которых – большие джипы.

– Привет, братва, – здороваюсь с каждым по отдельности.

Они синхронно отвлекаются от работы, подходят и улыбаются, но Стёпа сразу обозначает:

– Привет маленьким боссам! Рады видеть, но давай болтать на ходу, – нам уже в два ночи две машины сдавать, так

что... Давай мы будем драить, а ты вон кресло подкати и рядом садись.

– Да я по делу, ненадолго...

– Можешь себе кофе сделать – сам знаешь, где и как, – не слушает меня Андрей, выкатывая из угла кресло, которое подталкивает ко мне.

Отвлекаюсь на три минуты в «стекляшку», где делаю, понятно, три кофе, с которыми возвращаюсь в бокс:

– Братва, такой вопрос. Есть один пацан, совсем молодой – десять лет. Вначале думал к Илье сразу, но потом решил к вам – посоветоваться...

– ...ну, я не тупее твоего деда. Лет с семи поросят кормлю, – склоняет голову к плечу Степан, поднимая левую бровь – видимо, для иллюстрации. – Так что всё правильно. Не знаю, как там с законом, но в десять лет вон, южные соседи уже выпас небольшой отары могут поручить...

– Для тех, кто не в курсе – детям асфальта то есть, – продолжает Андрей, поскольку Степан отхлёбывает кофе. – Поросятам варится большая кастрюля. Как бы не на двадцать литров. Если их много, то сорок. Потом это все на вытянутых руках – потому что маленький – нужно перегрузить в вёдра и перетаскать. Переступая через всякие пороги, балки, а в селе их куча...

– Да-да, а свиарник обычно – отдельное здание, га-га, – подключается Степан. – А варить, один хрен, только на кухне – потому что печка нужна.

– Ну, есть ещё летняя кухня, но суть такая, – Андрей забирает у Степана остатки кофе и выпивает сам. – Потом – вода. Тоже ведрами. Поилку перед этим обязательно помыть! Моется она под шлангом на улице.

– И весит как та кастрюля с кашей, – морщится Степан. – Её надо вытащить и затащить.

– То у вас, жлобов, – смеётся Андрей. – У нормальных людей деревянными никто уже сто лет не пользуется... В общем, «зарядка для хвоста» ещё та. И так каждое утро. Без выходных, праздников, опозданий.

– Поросята – ужасно нежная сволочь, – компетентно кивает Степан. – Хоть график собьёшь им – ну, позже накормишь... Хоть температура не та... В общем, вплоть до того, что передохнуть могут... Батя потом тебе —..., да...

– В общем, десять лет – это у вас, в городе типа дитё. У нас уже вполне работник, прав твой дед, – доносится из джипа голос Андрея, который вернулся к оттиранию пятна на полу.

– Или вон, у соседей на юге. Отара баранов так на полста, – Степан выбирает тряпку для полировки пластика, – а каждый баран, считай, сто баксов. Грубо. Ну ладно, пусть полсотни...

– Так и отара бывает не на полсотни, а на три сотни! – доносится из машины Андрея.

– Да. И вот эту отару вполне могут пасти пара пацанов лет по семь. Редко – десять. И ничего... Грубо, если пара сотен баранов даже по полста долларов – это десятка, – подводит

итог Степан. – Только, в отличие от пачки баксов, стадо баранов то в овраг свернуть норовит, то разбрестись, то обратно не разворачивается, то от водопоя не идёт никуда, хоть стреляй их на месте...

Из машины Андрея доносится гомерический хохот, потом он кричит:

– Наш Стёпа решил подкалымить после восьмого класса! И имел опыт! Минус триста баксов от родителей хозяевам за первую неделю, а-а-ага-га-га-га!

– В общем, давай пробовать. Не обидим. Приглядим. Днём с мойкой кому-то справляться надо. Один из нас тут постоянно теперь присутствует.

– А чего так? – интересуюсь. – Вы ж учиться днём должны?

– Так объект за нами закрепили, когда ты ушёл. Предлагали ещё человека от начальства, но мы посоветовались и решили, что чужих не надо, – поясняет Степан. – Потому один на парах – второй тут. На следующий день меняемся.

– А не боитесь учёбу запустить?

– Да тут сезона-то осталось... Хорошо, если месяц. А сессия через полгода, – отмахивается Степан. – В общем, дай наши телефоны своему малому, и может приходить...

* * *

На ужин, подумав и прикинув, что жара спала, решаю сва-

ритель харчо: и Лене завтра днём будет чем нормально питаться (если она решит посидеть дома до обеда), и варить его долго, потому как раз успею закончить все дела перед сном. А даже если захочу спать, недоваренный суп не даст.

Разделяваю мясо, заливаю водой и ставлю на огонь. Вариться ему долго, потому погружаюсь в сеть.

У Бахтина срач в комментариях. Одна группа – его почитательницы пенсионного возраста – голосят, что он – единственный честный на всю Генпрокуратуру. Что, может быть, не так уж и далеко от истины... Они же высказывают опасения, что ему теперь нужно очень беспокоиться за свою безопасность. В качестве аргумента приводят какую-то цитату из какого-то Маркса, что-де «...нет такой подлости, на которую не пойдёт капиталист за триста процентов прибыли». Что-то в этом духе.

Вторая группа – безликие аккаунты без фотографий, личных данных, сделанные как под копирку – педалят мысль, что это грандиозная подстава и что это Государство выявляет недовольных. Дескать, не ведитесь.

По теме, с цифрами и какими-то ссылками на известные автору детали, вяло отвечают лишь чекисты и менты.

Комаровских, тегнутый Бахтиным как ДВБ Центрального Аппарата службы безопасности, вообще прямо на стене на всеобщее обозрение написал: «Олег, ты ебанулся?! Просто позвонить что – руки отсохли?!»

Далее, под ржание каких-то анонимных коллег этого са-

мого Комаровских, он вообще забанил Бахтина, отписав через них, чтоб Бахтин не юродствовал при посторонних, да ещё и в фейсбуке.

На что Бахтин разразился следующим постом в блоге:

Народ не может быть посторонним, господин Комаровских, если ты это забыл. Жаль, тегнуть не могу – ты меня забанил.

Очень жаль, что Генеральная Прокуратура в моём лице не находит понимания в Департаменте Внутренней Безопасности центрального аппарата чекистов, хотя, казалось бы, делаем одно дело...

...Комар, так ты уже решишь. Ты за правду? Или за должность?

Читать, конечно, смешно, но если вспомнить следы перестрелки в коридоре перед родильным шлюзом, то донкихотство Бахтина уже не выглядит смешным приколом.

Прерываюсь почти через два часа, чтоб доварить суп.

Мелко режу четыре луковицы. Засыпаю. Мою тщательно четыре столовые ложки риса (на два литра бульона нужно именно столько), тоже засыпаю. Кинза, грецкий орех, мускат, ещё какие-то орехи и специи, что есть под рукой – всё измельчаю и туда же.

Финальным штрихом заливаю два стакана гранатового сока.

Вообще, харчо по правильной оригинальной рецептуре

полагается варить именно так. Если вдруг нет гранатового сока (обычно за него многие принимают восстановленный и разбавленный сахаром нектар), допускается использование ткемали. Но никак не томатного! Как ошибочно считают многие, не радеющие за точность рецептуры и технологии.

Доварив суп, наливаю себе большую миску и, пока остывает, возвращаюсь к компю, к аккаунтам нашего канала.

Наш канал СТАНЬ ЧЕМПИОНОМ силами Юли и её подруг завёл профили и в фейсбуке, и во Вконтакте.

Пока рост числа подписчиков происходит в основном за счёт старшекласников мужского пола. Но есть уже и студенты, и дискуссии, стихийно возникающие сами по себе, как оно обычно и бывает в сети, достаточно тонко модерируются нашими девочками, чтоб фокус создавался на нужных нам проблемах.

Со смешком думаю, что, наверное, так и выглядит вся цивилизация от сотворения мира: пассионарные парни клюют на красивых и неглупых девочек и оказываются втянуты в дела этих девочек, невольно разделяя и их точки зрения, и (порой) образ жизни.

Смешно. Впрочем, ничему плохому у нас не учат, а наоборот. Если мы хоть одному из ста сможем помочь понять важное лично для него, значит, это уже не напрасно.

Самой Юле и её подругам, что интересно, это всё нравится. Она мне сказала откровенно:

– Стесев, а ты что, думаешь, что в нашем возрасте кто-то проводит время с бóльшей пользой? Я тебя умоляю... мы хоть приобретаем полезные навыки, приобщившись к твоей секте, ха-ха: управляем дискуссиями. Учимся переключать внимание коллектива на важную проблему. Учимся управлять креативными функциями незамкнутых коллективов – в той же сети, да ну, ты чё... За этим, если что, вообще будущее – посмотри на мир... Всяко полезнее, чем если бы сидели в БУЛКЕ и молотили языками, кто с кем когда и у кого штаны какие.

Убедившись, что ничего полезного для своих начинаний либо для Бахтина я сегодня уже ничего сделать не смогу, шагаю спать.

Один. Без Лены. Грустно.

Потом, уже на кровати, обмениваюсь с ней смс-ками ещё полчаса, пока её не вызывают куда-то на другой этаж.

* * *

Утро в школе начинается с того, что меня перед входом перехватывает директриса и ведёт к себе. Сегодня она просто небо и земля по сравнению со своим обычным амплуа, потому иду с интересом.

– Хотела сказать тебе спасибо, – без вступлений начинает она сразу после того, как закрывает за нами двери в свой

кабинет. – И передай спасибо Елене, она нам очень помогла. Я вчера в момент событий была в районо, меня вызвонили из областного наркодиспансера и полиции – в общем, все справки у меня на руках.

– Всегда рад помочь, если это на пользу всем, – обтекаемо отвечаю, не углубляясь в детали. – Рад, что в итоге всё решилось так просто.

– Совсем не просто, – директрису просто прорывает. – Ты не представляешь, чего стоит лично мне процедура обоснования Собственнику, что деньги, взятые авансом за обучение, нужно вернуть. А учащихся отчислить.

– Да могу представить, – веселюсь, вспоминая вчерашние дебаты под постами Бахтина. – Знаете, вчера прочёл: «...нет такой подлости, на которую не пойдёт капиталист за триста процентов прибыли». Что-то в этом духе.

– Ты читаешь Маркса?! – высоко поднимает брови домиком директриса.

– Боже упаси, – открещиваюсь. – Хотя, говорят, умные мысли у него всё же есть. Вернее, были... Это вчера в дискуссиях фраза звучала несколько раз, и я запомнил.

– Рада, что у вас конструктивные дискуссии, – подозрительно смотрит на меня директриса.

Решаю промолчать и не шокировать её тем, что эти дискуссии вовсе даже не мои, а ведёт их заместитель генерального прокурора.

Вместо этого, пользуясь оказией, задаю давно интересо-

вавший меня вопрос:

– Жанна Маратовна, я тут на досуге бизнес-управление почитываю, учебник... там написано, что сверку курсов акционеров и исполнительного органа надо проводит регулярно...

– И что? – вяло интересуется директриса – видимо, пребывающая всё ещё под впечатлениями вчерашних переживаний и радости сегодняшней победы.

– Вот вопрос. Наша школьная программа составляется, исходя из двух векторов: первый – что учителя считают нужным нам преподать, да? Ну, пусть этот вектор и задаётся единым образом по всей стране через Министерство... – не жду, что она скажет, и одновременно с её кивком продолжаю: – А как насчёт второго вектора – то, что ученики хотят выучить? По идее, обучение в школе – это же результат взаимодействия учителя и ученика, так? Вот учителя то, что считают важным, нам доносят. Хочется верить, – улыбаюсь, глядя на неё. – А как вы – я сейчас про педагогов по стране – узнаете о том, **что мы хотим выучить**? Вы же не можете составлять программы, опираясь только «на одну ногу»? Ну, руководствуясь представлениями только одной стороны – педагогов и министерства за их спинами? По идее, качественная программа должна же включать и пожелания второй стороны?

– Такого нет, – директриса слегка задумчиво смотрит на меня, как будто решая, что именно стоит мне говорить. –

Боюсь, что вынуждена тебя огорчить.

Она делает паузу, о чём-то раздумывая.

– Получается, школьная программа составляется вообще без учёта пожеланий тех, на обучение кого она ориентирована? – спрашиваю, улыбаясь как можно шире.

– Получается, что да, – кивает директриса. – Я, в принципе, если хочешь, могу тебе прочесть лекцию о том, какие течения борются друг с другом в министерстве. И как далеко заходит эта борьба, м-да... Сколько и чего нужно, чтоб издать учебник, и какие материальные выгоды это приносит. Авторам учебника в первую очередь. И о том, как и чем они должны поделиться в министерстве... Как обсуждаются изменения и дополнения в школьную программу по разным предметам. Как это всё в итоге в последний момент изменится на девяносто процентов потому, что Ноль Первый высказал какое-то там пожелание... При условии, что дашь слово об этом не болтать широко, – директриса вопросительно смотрит на меня.

– Да не нужно, я ж результаты вижу.

Видимо, говорю это слишком удручённо, потому что директриса вскидывается и настороженно спрашивает:

– А что не так, если коротко? Хоть пример какой?

– Что не так, если глобально, как раз и должна ответить совместная работа Министерства и Заказчика в лице если не учеников, то хотя бы их родителей.

– Ну-у-у, до сегодняшнего дня всё всех устраивало, – по-

дозрительно щурится Жанна.

– Знаете, потому что все зашорены, родители особенно. Детей с самого начала загоняют под лавку, отбивая критическое мышление. Воспитывая исполнительность вместо критичности. Работоспособность вместо креативности. «Уважение к старшим» вместо коммуникабельности... Жанна Маратовна, извините, я сейчас слишком удручён. Возможно, не конструктивен. И урок уже через пять минут.

– Погоди... Стесев, я сама не знаю, зачем это говорю, но... конкретные примеры?

– Давайте начнём с информатики? – сажусь обратно на стул, с которого уже собирался было стартовать в направлении уроков.

– А что с ней не так? – удивляется Жанна. – Я лично строго слежу, чтоб всё соответствовало программе.

– Вот-вот, – смеюсь. – А надо, чтоб соответствовало реалиям. Жанна Маратовна, вы хорошо знаете историю?

– В пределах школьного курса – более чем, – снисходительно кивает Жанна.

– Каковы причины поражения русской армии в крымской войне? – привычно наклоняю голову к левому плечу.

– Первой традиционно называется техническая отсталость армии, – непонимающе отвечает директриса. – А что?

– Это просто пример. Когда рядовые солдаты на сто процентов успешно исполняли все учебно-тренировочные упражнения под командой офицеров. В той армии не могло

быть иначе, потому что телесные наказания вовсю были в ходу... Но столкнувшись с реальным боем, который проходил в соответствии с современными на то время требованиями к армии, увидели, что не готовы ни технически, ни тактически. А учились все, говоря нашими категориями, «на пять».

– Вот обещаю, Стесев, – директриса встаёт, достаёт из холодильника бутылку минералки и пару охлаждённых стаканов, наливает и подвигает один из стаканов мне, – что приложу максимум усилий, чтобы тебя понять. Чего бы мне это ни стоило, хотя и считаю это пустой тратой времени. С уважением уже отношусь ко всем твоим логическим посылам – отгадай, почему?

– Из-за «святой троицы», – проявляю «догадливость».

– Из-за неё, – кивает Жанна. – Но сейчас, лично в моих глазах, ты очень похож на демагога. Говоришь общими фразами. Пример привёл, да, но я не могу понять его связи с реальностью. **МОЖЕШЬ КОНКРЕТНЕЕ?**

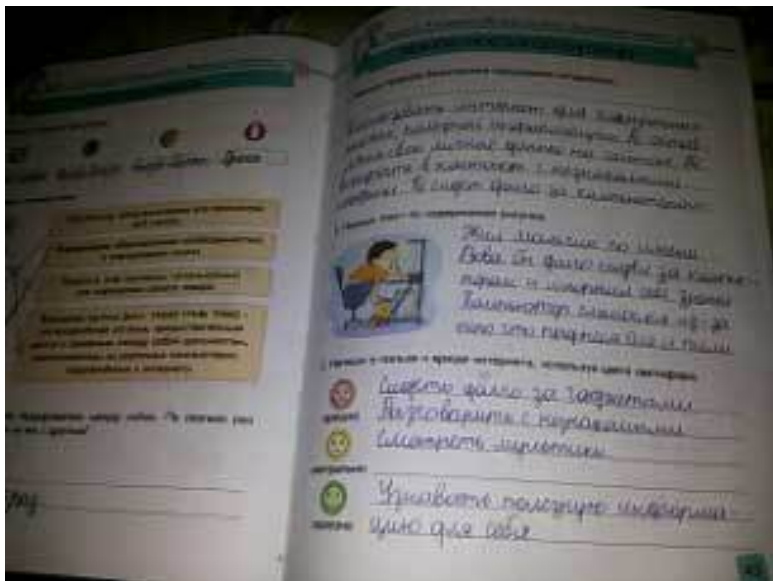
Жанна вместе со стаканом опускается в глубокое кресло, отдельно стоящее в углу её кабинета.

– Я обещаю, что максимально пойду навстречу, я всё же педагог и люблю свою работу... Но хоть стреляй меня, я не понимаю, чем могу лично я лично тебе сейчас помочь.

– Да я, скорее всего, задаю вопросы, решение которых на нашем с вами уровне не просматривается, – сознаюсь. – Ну, давайте разберём пример. У меня есть товарищ, ему десять лет. Можно сказать, у нас с ним общая опекунша. Она ино-

гда помогает ему делать домашние задания. Вот она прислала мне фото домашнего задания по информатике, чтоб посмеяться.

– В тетради по информатике, в качестве учебного задания по овладению компьютером – написание ручкой сочинения на тему... Да не важно, на какую тему. Хотя они испишись на десять баллов вместо пяти, к овладению компьютером их это ни капли не приблизит. Кстати, он учится в государственной школе, и у них, насколько знаю, напряжёнка с компьютерным классом: он вроде как и есть, а вроде как они в нём ни разу практически и не работали. Зато таких вот упражнений целая тетрадка, – делаю паузу, отпивая из вовремя предложенного стакана. – А у меня тоже есть информатика. Знаете,

что мы сейчас проходим?

– Нет, – удивлённо выпрямляется в кресле Жанна. – И что же?

– Эксель. В частности, тема прошлого урока – автосумма. Тема УРОКА, Жанна Маратовна, – снова склоняю влево голову.

– И что не так с автосуммой? – абсолютно искренне удивляется директриса.

У меня мелькает догадка.

– Разрешите откровенный вопрос? – дожидаюсь её кивка и продолжаю: – А вы как много в работе или жизни используете компьютер?

– Ну, если честно, то не много, – явно стесняясь, отвечает директриса. – Среди нашего поколения это вообще не очень популярно, так уж сложилось. По работе, правда, приходится, – проговаривается она. – Там без этого...

– Автосумма – это операция, которая занимает примерно секунду, если массив цифр большой. Если же цифр мало, то поменьше, – мне уже смешно, потому что эту фишку я знаю. – Хотите, дальше расскажу за вас?

Жанна кивает.

– Есть программа, что-то типа ЛОТОС, и в ней вам из района, гороно, Министерства и, возможно, из других школ по горизонтали приходят различные документы, – Жанна заинтересованно кивает, а я продолжаю: – Те, которые просто для ознакомления, вы практически не читаете. Есть те, ко-

торые приходят с красной точечкой – на них нужно отвечать. Вы, скорее всего, сами неохотно отвечаете; рискну предположить, зовёте кого-то из более молодых подчинённых и говорите, что ответить, – вопросительно смотрю на директрису. – Особенно если задача имеет сроки исполнения, да?

– Да, Алим, – немного растерянно кивает директриса. – Откуда знаешь?

– Будете смеяться. У меня есть друг в Генеральной Прокуратуре. Мы периодически общаемся, в том числе через фейсбук, – вопросительно смотрю на Жанну, она кивком подтверждает, что с фейсбуком знакома. – Вот он только вчера писал, что ключевая проблема Министерства сельского хозяйства, в частности, в том, что начальники отделов, управлений, комитетов – люди в возрасте. Но даже пятидесятилетние сами в ЛОТОС-е не работают – перепоручают подчинённым. Это, в свою очередь... далее не буду продолжать. Сами можете предположить, что дальше может на полчаса зарядить в своей речи работник прокуратуры. Которому такой подход и сроки срывает, и точность ответа на запросы... м-да... Жанна Маратовна, я пока без параллелей, – смеюсь. – Но с одной стороны – эта вот рабочая тетрадка по информатике, – поднимаю телефон с фотографией в руке. – С другой стороны – информация о «компьютерной грамотности» целых министерств, и источнику можно доверять. С третьей стороны, как вы говорите, все довольны, и нареканий по программе не было.

Директриса вначале оглушительно смеётся, что никак не вяжется с её обычным образом Снежной Королевы, потом отвечает:

– И снова м-да... Я думала, это только я такая – по секрету от всех, спасибо Алиме...

– Увы, – смеюсь в ответ, но потише. – Вы ещё просто супер. Есть информация, что в гораздо более серьёзных государственных ведомствах, где даже с гостайной вопрос актуален, руководители... – молча показываю на компьютер глазами, затем перевожу взгляд на дверь, за которой сидит Алима, секретарь школы и помощник директора в одном лице. – Но мы отвлеклись. Жанна Маратовна, вот информатика – это пример, который бросается в глаза лично мне. Потому что я люблю компьютеры, знаю компьютеры, разбираюсь в них – по крайней мере, в аппаратной части, а на нашем сегодняшнем уровне ещё и программирую.

Я имею в виду уровень этой планеты в целом, но уточнять этого не буду. Пусть в контексте относится конкретно к нашему обществу.

– А что сказать о предметах, где уровня ученика может быть не достаточно для оценки текущей «рыночной», так сказать, потребности в знаниях? – вопросительно смотрю на Жанну.

Жанна на секунду задумывается, потом отвечает:

– Стесев. В личном разговоре я готова признать определённую проблему. И даже больше: с тобой согласна! НО –

что нам с тобой это даёт? Ты сейчас поднимаешь вопросы не то что не моей ведомственной компетенции или даже текущего политического курса, который окончится не ранее чем со смертью текущего Лидера Государства, – она многозначительно поднимает указательный палец. – Ты сейчас замахиваешься на целый союз.

– Это какой союз? – широко раскрываю глаза, опешив от такого вывода.

– Союз между сложившимися группами в обществе, от учительницы до президента, и нашими обычаями. Которые диктуют: уважать старших, не лезть с инициативами и искренне считать критику сверху более ценной, чем критику снизу, – видя, что я завис, Жанна машет рукой в воздухе. – Ты сейчас понимаешь меня, алло?

– Более-менее. Никогда не глядел на проблему с такой позиции. А ведь и правда, есть ещё этнопсихология, и её никто не отменял... – размышляю вслух. – Хотя-я-я, Япония в 1868-м при Мэйцзи была никак не менее традиционным обществом, и в ней нарушать обычаи было никак не проще... Хотя вон как нарушили. Так что – лиха беда начало...

– Ты сейчас о чём, Стесев? – обеспокоенно встаёт с кресла Жанна.

– От физики отмажете? – спрашиваю, поглядывая на дверь, из-за которой доносится звонок.

– Ещё чего! Сейчас за три минуты расскажешь, что удумал, и пойдёшь! – директриса откидывается в кресле и скре-

щивает пальцы рук перед собой. – Лично провожу, скажу, что сама задержала.

– Ну, тут вопрос. Мы хотим изменений? И готовы ради них напрягаться и работать? Или нам неплохо живётся и в текущем положении, и напрягаться мы не готовы? Я сейчас о педколлективе.

– Живётся нам, конечно, неплохо, – задумчиво отвечает Жанна. – Но отсидеться не получится, потому что ученики – ужасно активные... ты понял. Запретить – не вариант, проще возглавить. Что дальше?

– Сама процедура сверки того, что будут преподавать, с тем, что нужно нам, – уже революция. Пусть в нашей школе она запустится очень выборочно, по очень отдельным предметам и в ограниченном объёме, – думаю полсекунды, потом решаю всё же ничего не скрывать. – Разумеется, предусмотрены личные плюшки для всех участников процесса.

– Во как, – веселится теперь Жанна, откидываясь в кресле. – Ну давай, двигай свою взятку в мой адрес.

– Есть же конкурс лучшего учителя, лучшего директора школы, лучшей школы. По мне – яйца выеденного не стоит, но за эти звания почему-то очень сражаются.

– Потому что дают плюшки в глазах Министерства и от самого Министерства, – хмуро поясняет Жанна.

– Звания званиями, но присуждаемые Министерством образования и науки регалии не имеют ничего общего с реальным рейтингом учёных. И педагогов. Вы согласны? – вопро-

сительно смотрю на неё.

– Не до конца. Есть люди, получившие их более чем заслуженно, – снова хмуро отвечает Жанна. – Но их вес, к сожалению, очень нивелируется такими же точно наградами, выданными, например, ассистентке Министра, которой двадцать четыре года, ноль лет педстажа и которая была за год до того Мисс Университет в Техасе – я сейчас не о США... в нашем Техасе.

– Если реальную работу, ориентированную на реальные цели завтрашнего дня, возглавите Вы, то ввод, например, этой пресловутой «сверки» намерений учеников и школьной программы – это именно реальный рейтинг Вас, как публичной персоны в области образования.

– Думаешь, так просто? – явно из вежливости спрашивает Жанна.

– А олимпиады на что? – выкладываю на стол первый козырь. И вижу, что в её глазах постепенно загораются понимание, а затем и интерес. – Смотрите. Чтоб узнать, хорошо ли нас учат, в соревнованиях мы должны участвовать регулярно. Олимпиады по предметам – как в спорте. Например, плавание: чемпионат области, кубок области, второй чемпионат после Нового года, областной турнир и много чего ещё – это всё в течение одного учебного года. На этих заплывах каждый спортсмен имеет возможность сделать регулярный срез: каков его прогресс за период и как этот прогресс коррелируется с аналогичными других спортсменов области.

– Продолжай? – задумчиво бросает Жанна, вставая из кресла и начиная прохаживаться по кабинету.

– А почему в школе должно быть иначе? – делаю паузу, заставляя её повернуться ко мне. – Мы платим большие деньги. Мы хотим понимать конкурентоспособность наших знаний на рынке. Даёшь олимпиады! Если достаточного количества Олимпиад вашим ГорОНО не организуется, давайте, по аналогии с открытым чемпионатом США по боксу, организовывать нашу олимпиаду. На базе нашего Лицея, о которой извещать все остальные школы. За те деньги, что мы платим, это более чем реально, вы согласны? Как минимум, НШИ будет участвовать ВСЕГДА, это я вам обещаю и беру на себя. По опыту бокса: спарринги даже с одной соседней секцией дают очень много для развития! Поскольку придется соревноваться с теми, кого ты не знаешь. Почему так же не сделать в науке? Вернее, в школе...

– ...периодичность?

– ...мотивация для участников? Ладно, педколлектив и так впряжётся...

– ...знаете, Жанна Маратовна, это личное, но вам расскажу. Мой отец искренне пытался понять и выучить алгебру. Он в восьмом классе заболел, пропустил пару тем, и когда вернулся, должен был догонять, – Жанна заинтересованно кивает. – Он потратил несколько десятков часов. Он зубрил правила на память и даже вызубривал всё: цитировал их в

семье спустя много лет. Но *правильно решать* на том этапе так и не смог: его ответы почему-то не сходились с учебником, а учительница на разборах домашнего задания говорила, что он при решении ушёл каким-то ошибочным путём.

– В математике бывает, – заинтересованно говорит Жанна.

– Ну вот, у него и было. А логарифмы и интегралы для него так и оставались на какое-то время тайной и загадкой. Забегая вперёд: дед продал лошадь, нанял репетитора, и сегодня мой отец – очень хороший инженер, но это уже детали, мы не об этом... Моё мнение: если ученик зубрит от и до, если искренне тратит несколько часов в день, пытаясь понять то, чего не понимает, но всё равно **никак не может начать решать точно и правильно**, то проблемы не в ученике. А в иллюстрации материалов учителем, в методике преподавания педагога и в конкретной индивидуальной недоработке с конкретным учеником...

Ухожу всё же уже после окончания физики, оставляя директрису глубоко задумавшейся.

* * *

Примечания.

1. *Фото тетради по информатике – реальное. Взял у младшей дочери...*

2. Про использование сетевых программ документооборота – в частности, ЛОТУС – органами Правительства Казахстана – ни разу не шутка:-) На разных уровнях аксакалы действительно не секут ни в компе (только пасьянс «Косынка»), ни в ЛОТУС-е. И реально сажают «молодых» отвечать в ЛОТУС-е за себя. Мне об этом говорила и подруга (она тут меня читает:-)), и сам видел в 2005-м. В И-ом БТИ (тогда ещё не было ЦОНов). Начальника звали, кажется, Сураб Идрисович.

3. Про алгебру – это конкретный пример со мной. Я перестал понимать алгебру в середине 8 класса (тогда учились 10 лет). Я искренне пытался догнать. Несколько раз. Тратил часы, силы. Но интегралы и логарифмы конкретно в школе так и не освоил. Хотя до 8 класса был круглым отличником и времени на учёбу не жалел.

* * *

– Мелкий, позвони, как окно после урока будет, – приходит смс-ка.

Дожидаюсь перемены и набираю Лену.

– Мелкий, привет. Спасибо за харчо! Лучше, чем в КАХЕТИИ... Я всю кастрюлю уже доедаю, окей?

– Да без проблем, на здоровье. Для того и варил. Внимательно слушаю, – говорю, затыкая второе ухо пальцем, поскольку от шума в коридоре не спасают даже наушники. Ко-

торые лень доставать.

– Я сегодня на тренировку с Тимуром к Сергеевичу. Он говорит, что мне полезнее будет сейчас с той группой. Типа, там и техники азы, чтоб я никого вечером не смешила. И на физику нагрузка как раз по мне.

– Да? Ну ладно, – отвечаю несколько расстроено. Потом улыбаюсь: – Смотри, как тебя проняло. Ладно, годится, я рад.

– А тебе без меня вечером будет там скучно, да? Ты хотел со мной? Хи-и-и.

– Честно говоря, да, – не вижу причин отпираться. – Понятно же, что вместе лучше... Что за вопросы от профессионального психолога?

– Тогда радуйся: вечером с тобой тоже поеду.

– Вот и хорошо. Я рад. Кстати, тебе тут передавали огромный привет и такого же размера благодарность за вчера. И уже от меня вопрос: что там? Что показали анализы?

– Да анализы показали целый коктейль... Мелкий, извини, не скажу подробностей. Я, конечно, уже знаю ВСЁ, но это всё же врачебная тайна. Ты же не обидишься, если твоя половина попросит тебя не заставляя её нарушать врачебную этику и делиться с тобой такой информацией?

– Да я вообще без проблем. Хотел спросить просто, что там с этими клоунами по здоровью и что дальше будет? Хотя не огорчусь, если и не узнаю подробностей... Директор всё равно говорит: они на отчисление.

– Ну, если в таком разрезе... Плохо у них со здоровьем. Есть мнение, что вытаскивать их придётся серьёзно. В смысле, нужно будет серьёзно напрягаться, чтоб их вытащить. Родителям сообщили сразу. Если родители не болваны – теперь это их головная боль. Диспансер, со своей стороны, дал рекомендации по клиникам. У нас есть, как минимум, две, где вытаскивают более шестидесяти процентов. Так что, если родители нормальные и если сами пацаны захотят – есть все шансы.

– Что-то шестьдесят процентов – мало, нет? – сомневаюсь вслух.

– Окстись! *В мире* ниже сорока! Специалист нашёлся...

– Ого, так это у нас ещё неплохо?

– Более чем. Есть, правда, вообще специальные приюты РПЦ у соседей. Вот там, с подключением религии, вытаскивают вообще более семидесяти процентов. Вот то монстры. Но там своя кухня, нам недоступная... Так, у тебя звонок?

– Да.

– Несись.

* * *

После школы перехватываю Тимура, у которого уже закончилась тренировка – его уроки заканчиваются всё же намного раньше, чем у меня. На мойку идём вместе – благо, всё находится в одном районе.

В боксе застаём Андрея, который неспеша драит прошлогодний субару.

– О, привет. Это и есть твой работник? – Андрей здоровается со мной и рассматривает Тимура. – В принципе, я в его годы...

Ухожу почти через час, помыв вместе с Тимуром один кузов и оставив его моющим второй под присмотром Андрея.

Андрей провожает меня до выхода:

– Не нервничай. Всё будет нормально. И присмотрим, и в обиду не дадим.

– Да я, если честно, опасаюсь, чтобы кто-то из клиентов шум не поднял – дескать, детский труд. И думаю, а не согласовать ли это с Ильёй.

– Клиентам в бокс хода нет. Мы изменили процедуру. Теперь передача и приём машин – только на парковке снаружи, – отбрасывает Андрей. – Илья же по камерам и сам увидит. Спросит – ответим. Вообще-то, не хотели раньше времени говорить, чтоб не сглазить, но раз так... в общем, мы сейчас с Ильёй обсуждаем, чтоб этот бокс в аренде у нас был. Мы ему – неснижаемую сумму круглый год. И процент прибыли. А он к нам не лезет, но разворачивает на нас всех клиентов по чистке.

– Мне он такого не предлагал, – удивляюсь.

– Так ты тут и жить не соглашался, – покровительственно улыбается Андрей. – Мы ж тут постоянно – хоть один, но

есть. А ты на несколько часов в день забежал. Ну и, это ещё не решено. Пока только обсуждаем... Просто сейчас тут мы решаем, что и как, я к тому.

– А прогореть не боитесь?

– Нет, – беспечно машет рукой Андрей. – В городе, и правда, работать некому. Если давать тот уровень, который мы с тобой давали, то конкурентов-то и нет: просто никто больше так не выкладывается. Ну и, когда принимаем машину, клиент видит, что молодые, здоровые, непьющие, аккуратно одетые, стриженные и бритые... да сам вспомни. Ещё и заполняем дефектную ведомость, вещи из салона всегда отдаём. Вот недавно случай был – мужику золотую серьгу с камнем вернули. Он полчаса благодарил – говорит, не ожидал...

– Ну ладно, рад... Я бы тут точно жить не согласился.

– Тебе и не надо, – солидно кивает Андрей. – У тебя свой кайф и свои приколы – спорт и клиника, да? А мы руками работать любим. В общем, Саня, ты бы напрягался на нашем месте. А нам почти что в удовольствие.

– Не понимаю, как удовольствием может быть физически достаточно тяжёлая работа, – пожимаю плечами, зависнув у выхода.

– Да ты просто в деревне не пахал с шести лет. А тут: под крышей, инструменты все есть, за шиворот дождь не течёт, кофеварка вон рядом, с машинами работа, ещё и оплачивается так, как в селе бригадир не получает... Ты просто городской. Ну, бывай!

– ...смотри, тебе решать, – философски пожимает плечами Смоляков. – Я в заслуженные тренера на тебе и так выплыву, ты ж ещё до конца школы у меня проплаваешь?

– До конца школы – точно да, – после того разговора с Вовиком теперь даже не сомневаюсь. – Не знаю, смогу ли буквально весь график отплавать, но то, что вы назовёте ключевым, точно проплыву.

– Да все заплывы и не надо, – размышляет Смоляков. – Но на чемпионате страны зимой – уж будь добр. Если тебе на себя наплевать, то я ученика сколько лет к этому вёл... На восьмистах и полторашке можем и побороться за самый верх, тьфу три раза, НИЧЕГО НЕ ГОВОРИ! – упреждает он мои попытки что-то ответить и, повернувшись к стене, стучит зачем-то три раза по пластиковой крышке тренерского стола, стоящего на бортике. Затем три раза зачем-то слегка прикусывает себе язык. – В принципе, от тебя жду тогда только февраль. Страна. Это фокус. Остальное – по желанию, лично мне не принципиально. Договорились?

– Да.

– Хотя на моей памяти ты первый, кому сборная реально светит, а надо ещё уговаривать, – размякает Смоляков, впечатлённый стабильностью сегодняшних результатов. – Саня, такой вопрос... только ты не обидься, – он пристально смот-

рит на меня.

– Не обижусь. Конечно, спрашивайте.

– Саня, этот твой рост результатов можно объяснить много чем. У меня только один-единственный вопрос. Учитывая, что результаты в плавании параллельно с результатами в боксе расти просто не должны – по крайней мере, на таком уровне уже не должны... Ты ж не второй разряд, и группы мышц разные... Ты на боксе точно никаких медикаментов принимать не начал?

Смоляков испытующе смотрит на меня.

– Боже упаси, – открещиваюсь обеими руками. – Я что, дурак? Да и зачем мне?

– Верю. Рад, – коротко подводит итог Смоляков и поворачивается в сторону бассейна.

Хотя я по нему вижу, что он ещё сомневается.

– Виктор Александрович, только чтоб успокоить вас.

Подхожу к нему ближе, чтобы говорить как можно тише. Он выпрямляет спину и подаётся назад корпусом, чтоб его ухо оказалось рядом с моими губами.

– Если с гемоглобином порядок, плюс выводить молочную кислоту ускоренно, то можно и не такие рекорды ставить. Я сейчас, считайте, дыхательной гимнастикой увлёкся. Оказывается, есть масса комплексов на контроль именно кислорода в тканях, на насыщаемость кислородом тканей и на вывод молочной кислоты. Не буду подробно, но вопрос только в дисциплине, дыхательной гимнастике и аутотренинге.

Смоляков оборачивается и недоверчиво смотрит на меня, при этом успокаиваясь.

– Ну ладно, – покладисто кивает он. – Главное, чтоб ты сам в это верил, – он издаёт короткий смешок. – И лишь бы результат был стабилен.

– Результат стабилен, вы же видите.

– Не поспоришь. Согласен. Ладно, беги, у меня сейчас малыши уже в воду входят.

* * *

В КЛИНИКЕ Котлинский явно куда-то собирается, торопливо ощупывая свои карманы и проверяя содержимое дешёвого офисного рюкзака «под ноут». Обычно он ходит с солидным портфелем, потому спрашиваю:

– Что за отрыв от имиджа, Игорь Витальевич? Здравствуйте. Вы же обычно с портфелем?

– Да в облздрав еду. Буду там с бубном плясать. Надо будет бакшиш оставить, вот я там этот рюкзак и забуду. Как будто. С тем, что внутри...

– Ничего себе, прямо как шпионы, – восхищаюсь сложностью обычной, на первый взгляд, операции.

– А ты думал... Смех смехом, а уже два с лишним года как введена одинаковая ответственность и для самого взяточника, и для того, кто ему что-то даёт, – Котлинский многозначительно поднимает палец.

– Не буду спрашивать, а что будет, если пропустить платёж и последовать строго букве закона...

– Правильно. Не спрашивай. И не услышишь, как отзываются лицензии, приходят проверки и создаются невыносимые условия всем.

– А почему Бахтина не напряжем? – на полном серьёзе интересуюсь. – Неужели...

– НЕ ВАРИАНТ, – перебивает меня Котлинский, качая головой и пересчитывая какие-то купюры прямо внутри рюкзака. – Медицина – своё кино. Разбираться, в случае наших жалоб, Прокуратура сама не сможет. И будет всё равно привлекать экспертов. А эксперты у нас кто?

– Видимо, тоже врачи? А как же корпоративная солидарность?

– Врачи, – покладисто кивает Котлинский. – Но не те. Чиновники. И вот как раз их корпоративная солидарность срабатывает на полную, только не с нами...

– ... а с теми, кого мы посадили?

– Шаришь, – хлопает меня по плечу Котлинский, подвигаясь ближе к двери. – Думаешь, мне самому интересно две ставки классного хирурга просто так отдавать? К сожалению, именно на сегодня это – путь наименьшего сопротивления. Я согласен, что болезни нужно лечить. Болезни общества – в том числе. Но терапия должна быть комплексной. Чтоб вся Система, плавно выздоравливая, резко эволюционировала к лучшему. А то, если для лечения перелома кальция нагру-

зить три нормы, знаешь, что будет? С благими намерениями...

– Не знаю.

– Кишечник остановится! – громко смеётся Котлинский. – Для начала... Потом – с вариантом на почки. В общем, всё надо делать постепенно. И новатором я точно в этом вопросе не буду, подвергая риску и себя, и сотрудников, и пациентов... Цинично говоря, себе на домик на море я накашлял. Не за себя боюсь...

– М-м-м, Игорь Витальевич, так у нас нет никакого моря?

– А кто тебе сказал, что мой домик «у нас»? Лично я Средиземное море люблю гораздо больше Каспийского... Ладно, не буду врать, – хлопает меня Котлинский по плечу ещё раз. – Адриатическое. Не Средиземное. И кстати...

Он охлопывает себя по карманам, подходит к столу, открывает верхний ящик, достаёт оттуда конверт с надписью «САША», сделанной явно им самим. Судя по почерку.

– Держи долю, а-га-га, – он снова расцветает в улыбке.

– Это за что? – вопросительно поднимаю бровь.

– Родня Анны начала гасить дебиторку. Это половина первого платежа.

Сажусь на стул прямо там, где стою.

– Игорь Витальевич, а нам с вами не кажется, что лучше довести дело до конца? А уже потом переходит к расчётам? Хотя да, вы говорили...

– Что кажется тебе, я не знаю, – Котлинский смотрит на

часы и садится напротив меня. – Но я знаю, что в её истории болезни в онкодиспансере одни восклицательные знаки. В хорошем смысле. Это раз. Что даже закончи мы всю терапию сейчас, вот на этом этапе, её личные шансы на операции будут уже под семьдесят процентов вместо двадцати – это два. Что процесс динамичный и поступательный, это три. Третье, кстати, я и сам вижу, на основании регулярных анализов. И четвёртое. Главное. Мои коллеги в онкологии не стали дожидаться окончания твоей работы, уж пардон, – Котлинский со злостью дёргает левым плечом, как будто сгоняя надоедливую муху. – Оттуда уже ползут слухи о нашей положительной динамике – в смысле, об Анне, а в этой среде...

– ...слухи расходятся, как круги по воде? – завершаю за него я.

– Да. И мне уже сейчас нужно сделать там кое-какие вливания, чтоб процессом тиражирования этих слухов хоть немного управлять, – хлопает себя ладонями по бокам Котлинский. – А кредитовать процесс я сейчас не готов... Ну, и ещё такой момент... тебе не приходилось, а я сталкивался... В общем, бывают очень неприятные случаи. Когда пациенту плохо – на всё готов. Договорные условия одни. Стало чуть лучше – уже колеблется: а не много ли эти врачи-рвачи с меня лупят. А как выздоровел – оказанная услуга уже ничего не стоит. И я сейчас не о финансовом вопросе, – он взмахивает в воздухе рукой, останавливая мои возражения. – Просто есть, как говорится, техника безопасности. В сфере фи-

нансов в нашем случае она состоит в том, что не нужно нагружать семейный бюджет пациента единовременной большой выплатой. Если пациент сам предлагает разбить сумму на платежи – мы всегда идём навстречу. Даже если это и отсрочка платежа. А уж если пациент хочет начать делать платежи в процессе самого курса... Скажу тебе так. В случае операции, при которой было восемьдесят процентов за то, что она ничем не поможет, они бы не то что на двух третях результата платили... Они бы вносили стопроцентный аванс. Который остался бы в клинике, даже не долети Анна туда по техническим причинам, – Котлинский глядит на меня и поясняет: – Ну, не доживи она до самой операции... Да, врачи – циничные люди. И давай соблюдать правила.

– Какие? – я увлёкся его речью, и сейчас не соображу, о чём он.

– Я не учу тебя лечить. Ты не учишь меня управлять финансами.

– Точно, извините... В любом случае, спасибо.

– Тот случай, когда не за что. Тот случай, когда спасибо говорит КЛИНИКА. Ладно, бывай, я понёсся!

Котлинский снова хлопает меня по плечу и исчезает за дверью, закинув рюкзак на одно плечо, как тинейджер.

А я остаюсь ждать Анну.

Из клиники меня забирает Лена, которая даже не ходила в душ после своей тренировки, судя по спортивной одежде, надетой на неё.

– Что это с тобой? Смена имиджа? – привычно кладу руку на её правое бедро после того, как целуемся.

– Да я чего-то подумала: всё равно сейчас вернёмся в зал, и я ещё пару раз прыгну. Чего переодеваться? – Лена зевает во весь рот, потом продолжает: – Тут батя звонил – про твоего киргиза, говорит, есть понимание. В общем, этот тип, оказывается, в своей стране медпрепараты через какой-то китайский транзит контейнерами гоняет. В обход таможни. Потом от себя этот контрабас – по всему Таможенному Союзу, что ли.

– Ничего себе, вот тебе и добропорядочный Запад, – бормочу. – В лице ХОС-а.

– Запад тут ни при чём, – снова зевает Лена. – Это его личная инициатива. Он вообще договорился с конкурентами, которые делают то ли дженерики, то ли вообще по другой теме – батин товарищ не врач, в детали не вникал. А названия компаний прочёл, как с огурцом во рту – не поняла я; в общем, не важно... Короче, они его будут брать. Сейчас же сентябрь?

– Ну да.

– Ну что «да»? Это последний месяц предпоследнего квартала! Как раз палки за квартал. А там как пойдёт – бая говорит, может, его до нового года крутить будут. В общем, нам команда расслабиться и не вибрировать – там без нас обойдутся, – немного помолчав, Лена добавляет: – Уход только от налогов на сотни тысяч. А ещё есть таможенные пошлины. Батины «коллеги» с той стороны говорят, что они на нём здорово поднимутся. И не только по службе...

– Спасибо. Приятно. Теперь, наверное, надо Саматову сказать? Чтоб от кнопки отказ оформить?

– Вот не надо торопиться, – философски качает головой Лена. – Тут, как говорится, лучше перебздеть, чем недобздеть. Пусть возьмут – тогда поговорим... Эта кнопка всё равно никого не напрягает. Это ж не сопровождение с тобой гонять.

– Слушай, тут понятно, такой вопрос, – пристально смотрю на Лену. – А ты точно сейчас не уснёшь? Прямо в зале? Ты же с суток? Оно тебе надо?

– Да я по тебе тоже соскучилась, мррр, – бодает меня виском в висок Лена. – Давай уж бокс отпрыгаем вместе... До вечера как-нибудь доживу. Тем более, у меня получилось всхрапнуть пару раз. Часа по два, хе-хе.

* * *

На боксе Сергеевич раздаёт всем задачи, а сам в углу вна-

чале «прыгает» с Леной, потом они начинают что-то обсуждать в перерыве между раундами, а ещё позже они вообще подходят к рингу, опираются на него спинами и о чём-то оживлённо дискутируют, активно размахивая руками.

Задание на тренировку всем однотипное, без перерывов, потому до меня доносятся только обрывки их разговора, да я особо и не вслушиваюсь:

– ...Вы не правы. А если она вас искренне любит? Вы готовы её размазать только из-за ваших старых психотравм?

– ...

– ...кстати, давайте и над ними поработаем, а не только надо мной.

– ...

– ...а Саша вам не говорил разве о моей профессии?..

– ...

– ...

– ...не так, Лен! Мне уже, почитай, шесть десятков!.. В нашем возрасте кто кого больше обманет! А не кто кого больше любит...

– ...не знала, что вы трус, Сергеевич. А ведь выглядите совсем иначе!

Они периодически оба громко смеются на весь зал.

Кажется, Сергеевич продолжает фрустрировать, не будучи в состоянии сам поверить в своё счастье. Братва из секции, под руководством гения компьютерной безопасности Вовика, отыскала буквально вчера профиль зазнобы Серге-

евича в соцсетях. И разобрала по косточкам, вплоть до студенческих лет, которые у неё окончились около двадцати лет тому.

Фемина, и правда, знатная. Скажем, красивая и умная. Опять же, врач почти: своя клиника. Терапия против старения плюс пластическая хирургия. Всё подняла сама, с нуля, а начинала, как Лена, в реанимации. Прошное, конечно, не безупречно, но все сошлись в одном: двухкомнатная халупа Сергеевича (ну, для неё халупа), без ремонта, не в самом новом, чтоб сказать мягко, доме – это явно не то, что её могло привлечь. Её интерес к Сергеевичу лежит явно не в корыстной области. Да и сам костюм, братва говорит, по стоимости соизмерим чуть не с ремонтом в квартире Сергеевича.

А вот то, что сам Сергеевич – мужик о-го-го и, по словам Лены и Асель, сегодня более чем дефицит, для него лично значения не имеет. Вернее, значение этого факта он, в отличие от неё, не готов оценить.

Он как тот механик или рабочий в старом советском фильме (название – что-то про веру Москвы в слёзы): не верит, что его можно любить просто так. Особенно если дама выше его по социальному статусу.

Другое дело, лично я бы не путал финансовый успех с социальным статусом. Если по деньгам дама, конечно, покруче Сергеевича, то об их социальном статусе можно долго спорить, кто круче и у кого больше влияния: к Сергеевичу ездят тренироваться и судьи облсуда – бывшие ученики. И проку-

роры, коллеги Бахтина – тоже ученики. Про коллег Кузнецова ничего не скажу – они инкогнито, но они точно есть. И каждый из них сделает для Сергеевича всё, что может. А если взять их усилия в сумме...

Есть прецеденты, когда Сергеевич лично вызывал кого-то из учеников-госслужащих, плюс кого-то из учеников-коммерсантов, просивших об этой встрече, и вместо судьи «разводил» вопросы ко всеобщему согласию и благодарности.

Кстати, все сходятся в том, что лично себе он никогда не брал ни копейки. Но наш зал, чуть не лучший в городе, включая географически дорогое место, существует и поддерживается как раз на те регулярные дотации. Которые ученики разных лет делают добровольно.

В субботу, кстати, у нас игровой день. Футбол или, очень редко, баскетбол. Сергеевич ещё играет сам. Делит команды всегда он, под смех одних и мат других. Мы все ржём над одной его слабостью, но изо всех сил ему потакаем: он ВСЕГДА делит нас на две команды так, чтоб ни в коем случае не проиграть. Почему-то получается так, что в его команде оказываются самые быстрые и точные нападающие, самые крепкие и отбитые защитники и самая умная полузащита. А против него играют изрядно раздобревшие, смеющиеся мужики хорошо за сорок лет и за сто килограммов.

Вот во время футбольных баталий и выясняется, кто есть кто. Когда, в пылу игры, братва старших поколений, которой за сорок и которая ходит только по субботам, орёт на весь

манеж, не стесняясь:

– ...судья, твою мать! Ты не видишь, я открытый?!.

– ...Полковник... тебе в гланды! Ели ты так и шпионов ловишь, как мячи, то бедная Родина! А-а-а-а-ага-га-га-га!

– А кто тебе сказал, что я шпионов ловлю? – удивлённо. – Я уже давно в центральном аппарате, встречаю делегации... Причём как раз этих самых шпионов, но прибывающих официально...

И так далее.

Есть пара просто успешных бизнесменов.

В общем, люди очень разные, но общее у них есть: они явно успешны в том, чем занимаются; к силовым структурам принадлежат многие, ещё большее количество выступало за ДИНАМО. И – все они достаточно успешные боксёры в своё время – как правило, не ниже камээса. Кстати, лет тридцать назад за выигрыш Республики по юношам как раз этого самого камээса, они говорят, и давали. Так что это очень серьёзный уровень. Есть Игорь (тёзка Кузнецова) – ничем не примечательный, средних кондиций мужик лет под пятьдесят – так он, выиграв нашу республику по юношам, потом три года в армии левой ногой выигрывал чемпионат Вооружённых Сил по боксу в своей категории. Вот это был уровень... А три года подряд выигрывал потому, что на флоте тогда служили три года. При этом, говорят, его даже в

спортроту не забрали. Как он там форму на корабле поддерживал, шут его знает.

В общем, если считать потенциальное влияние, которое и есть социальный статус, то я совсем не уверен, что фемина Сергеевича его бы обскакала. Несмотря на все свои миллионы.

Другое дело, что Сергеевич не считает свой статус чем-то из ряда вон и своих учеников сверхгероями тоже не считает. Напрочь игнорируя, что даже отдельно взятый судья или прокурор может испортить как настроение, так и не только целой роте бизнесменов, чиновников и далее по списку.

Налицо какая-то психологическая травма, судя по тому, что Сергеевич тупо не верит в приязнь и эмоции. Но Лена, надеюсь, должна справиться. С психотерапией.

* * *

После тренировки идём ужинать вчетвером – с Сергеевичем и Вовиком, и под конец вечера Сергеевич уже сам набирает какой-то номер, отойдя в сторону и стыдливо развернувшись лицом в угол:

– Извини. Был не прав.

– ...

– Да, еду домой.

– ...

– Конечно. Приезжай, жду.

Затем подходим к нам и, потирая руки, смотрит по очереди на Вовика и Лену:

– Мне надо срочно домой. Кто отвезёт?

– Я, – отодвигает Вовика Лена. – Я и езжу быстрее, и машина у меня лучше. И своя, я над ней не трясусь.

– Вот именно, – обижается в ответ Вовик. – Машина чужая, и я её так убивать, как ты, не могу.

Лена молча показывает Вовику язык, берёт меня и Сергеевича за руки и, как детей в садике, ведёт в машину.

* * *

Дома Лена засыпает минуты за три прямо на диванчике в старой спальне, сонно бормоча мне:

– Мелкий, я тебя люблю, но супружеский долг утром. Умоляю.

Накрываю её одеялом – уже прохладно, а окна держим открытыми.

Сам иду на кухню.

Учу атлас, читаю кое-что по генетике, когда раздаётся звонок в дверь.

Чертыхаясь, бросаюсь к двери: если позвонят ещё раз, могут разбудить Лену. Надо было вообще выключить звонок – всё равно я никого не жду.

На пороге стоит трезвый и абсолютно нормальный Сери-

КОВ.

– Можно войти?

– Что тебе у меня нужно? – как можно нейтральнее спрашиваю, не освобождая проход.

– Ты разве не в курсе, что мой батя стоял на дистрибуции «травы» в регионе? Сейчас, когда его закрыли, на маманю наехали... Раньше он «наверх» всегда долюху засылал, порой даже из своих, не дожидаясь реализации... А сейчас платёж просрочили... Могу войти посоветоваться? Ты тип крутой – может, что и присоветуешь толком...

Не скажу, что ошеломлён, но удивить меня у Серого получилось.

* * *

Примечание.

Про влиятельных учеников в секции по субботам на футболе – ни разу не шутка. Хотя, конечно, идеалистичность картины преувеличена:-) Лично мне тот судья облсуда никогда не нравился:-) и в футбол, сволочь, всегда играл с нарушениями:-D

Справедливости ради – думаю, такой коллектив регулярно собирается не только у моего тренера. Мне кажется, такое есть во многих секциях, где тренер – преданный своему делу человек, бессребреник типа Сергеевича.

Как говорится, карма воздаёт социальным статусом.

Я сейчас на ходу даже придумать не могу, что бы НЕ МОГ решить мой тренер в пределах разумного. При том, что ему 79,5.

* * *

– Ладно, проходи, – подвигаюсь в сторону, давая Серому пройти и закрывая за ним дверь. – Разуйся тут, иди вон на свет в кухню.

Закрываю за Серым двери и догоняю его в кухне, где он тяжело плюхается прямо за стол и, налив себе в первый попавшийся под руку стакан заварки из заварника, выпивает всё залпом.

– Может, тебе чаю? – спрашиваю нейтрально, наблюдая, как он тянется к заварнику повторно.

– Не надо – так хорошо, – в перерыве между глотками говорит он. – Я люблю покрепче, и сейчас жарко, холодный сойдёт.

– Не так и жарко, но смотри... моё дело предложить. Говорим тихо – у меня люди спят, чтоб не разбудить, – рассказывай.

– В общем, спасибо тебе, – косится Серый на меня, – нас загребли на анализ.

– Если ты с претензиями – давай сразу прощаться.

– Всё-всё, – Серый поднимает руки перед собой. – Я по инерции, пардон. Как анализы откатали, я жду мать: поли-

ция её известить должна и меня ей на руки выдать. А дозво- ниться до неё не могут. Уже время вышло, которое они мо- гут меня держать, а мать им всё не перезванивает. Они уже не знают, что со мной делать: и держать нельзя, и на руки матери отдать не могут. В общем, дед, отец отца за мной за- ехал. Ну, и бацию там ещё помнят, пошли навстречу...

Серый тяжело вздыхает, отпивает из стакана ещё заварки и продолжает:

– Дед меня до дома довёз, потом высадил и к нам подни- маться не стал.

– Что так?

– С маманей не хотел встречаться – у них свои тёрки. Вер- нее, с её родителями, но тебе оно не надо...

– Как скажешь.

– Стессель, не язви. Пожалуйста, – Сериков тяжело смот- рит на меня исподлобья.

– Хорошо. Извини. Дальше?

– Поднимаюсь, открываю своим ключом. Маманя в зале в трансе, коньячелы литр почти пустой, она как зомби – в кресле сидит, встать не может. Только приговаривает: «Что же будет, что же будет». Попытался её привести в чувство – голый номер. Уложил спать. Еле нашёл её мобил – в ванной валялся. В эсэмэсках – ничего военного. Стал звонки смот- реть. А там только один входящий за сегодня – от началь- ства. Значит, это оно.

Сериков допивает заварку из заварника, трясёт его ещё

несколько секунд, пока не соображает, что заварник пуст, после чего просит меня:

– Можно ещё чаю? В общем, набираю я этого зама начуправления с материнной трубы и в лоб ему вываливаю: пришёл, дескать, домой, мать в трансе. По делам отца я в курсе – как минимум, частично. Тут сблефовал, но что делать было. Давайте, говорю, как-то между мужиками решать вопрос – мать без сознания. И жду, что он скажет.

– А он что?

– А он выматерился и сказал, что сейчас подъедет. Подъехал, как спринтер, за десять минут через полгорода. Впрочем, его машину все знают – ему, наверное, «дорожники» зелёный свет дали... Дорожная полиция, в смысле, – Сериков благодарно кивает мне за подсунутый ему под руку бутерброд, откусывает и продолжает: – В машине он мне и говорит, что из-за того, что батя у чекистов сидит, с ним связаться никак нельзя. Там же изолятор не в пример нашему...

– Извини, я не в курсе – не в пример чему?

– Не в пример изолятору МВД, – хмуро после паузы бросает Сериков. – Как ни пытались, никак не связаться. Чтоб бесконтрольно. У отца зависла часть суммы за реализацию товара. Деньги-то есть, это сто процентов. Но как их достать и вытащить – непонятно, потому что знает только он, а с ним связи нет. Замнач брызгал слюной, орал, что жалеет, что нас вообще в дело пустил. Как будто мы с матерью знаем что-то... И сказал, что по срокам ничего не обещает, но на него

самого серьёзные люди давят. Он ещё день – два потерпит, потом на нас переведёт стрелки. Если мы не придумаем, как вопрос закрыть.

– Неспортивно...

– Не то слово, – кивает Сериков. – Но он честно сказал, ему его кресло дороже, чем наши шкуры. Да спасибо и за это, что предупредил. Я подумал, что делать. Кого знал из друзей отца – перезвонил всем, никто не в курсе. Подчинённые – овцы, сами не знают. Потом подумал, что за тебя крутая контора вписывается, и решил: может, ты что-то присоветуешь. За себя не боюсь, маманю жалко...

– Ситуацию уяснил. Серый, а с чего ты решил, что мне это всё будет интересно? И что я за тебя впишусь после всего, что между нами было?

– Решил рискнуть, – искоса бросает на меня взгляд Серый. – Мне всё равно терять нечего.

– Тогда гони подробности, – я вижу, что он чего-то не договаривает и колеблется.

– Да это почти всё. Чтоб ты понимал: батя, да и менты вообще, ничего не возили, не продавали, сами ни к чему руками не прикасались. Они просто НЕ РЕАГИРОВАЛИ на оперативную информацию, когда засветка по блатхатам шла.

– Что?

– Ну, когда приходила инфа, что с такого-то адреса идёт торговля. Есть список. Вернее, был... «Своих» адресов, на которые и не ездили. До поры до времени. Ну, разве когда

палки нужны, но и тогда барыги сами говорили, кого брать. Чужих, конечно, давили.

– Ещё что?

– Отец кому-то из чекистов точно долю заносил. Сто процентов. Вот если бы их найти, чтоб они просто с ним переговорить могли: деньги от барыг на счета юрилиц приходили, потом отец их распределял, в основном наверх. Получается, менты дури даже не касались. Только деньги...

– Откуда ты всё знаешь в таких подробностях?

– Так батя начальником райотдела для отвода глаз был. Ему уже при мне только за последние два года раза три генеральскую должность предлагали – начальником управления по области. Только переезжать надо было, он поэтому отказывался. И этот замнач управления города, что приезжал. Он только формально босс. На самом деле, делал, что батя говорил. Батя его на это место и двинул, но в МВД это не секрет... Кому надо – все в курсе...

Сериков наливает ещё стакан заварки, заваренной мной за время его эмоционального рассказа, и говорит, глядя на меня коровьими глазами:

– Стессель, а что за контора тебя стережёт? Им можно сдать? Или хотя бы чтоб маманю под крыло взяли?

– Сходу не скажу. Давай так. Спать могу у себя постелить, есть комната. Мне до утра нужно время. Где ночуешь?

– У тебя точно нет – у меня мать дома одна, в таком состоянии. Давай тогда я до утра жду? Потом маякнёшь как-

нибудь?

– Договорились.

Провожая Серого до двери, закрываю за ним дверь и сажусь думать. На первый взгляд, всё ясно, но тут ставки, судя по всему, гораздо выше, чем всё, с чем я сталкивался раньше.

* * *

Раздумываю недолго.

В принципе, проблема делится на две части: физическая охрана самого Серого и его матери на то время, пока будет идти разбирательство. И инициация самой их защиты. Поразмыслив пару минут, понимаю, что первое без второго смысла не имеет. Пока я размышляю, как по заказу, звонит телефон. Бахтин, а я как раз собирался ему звонить:

– Здравствуйте. Олег Николаевич, как раз о вас думал. И звонить собирался.

– Что-то стряслось? – чувствую, что Бахтин не напрягается, что он достаточно весел и, кажется, принял пятьдесят грамм.

– Не у меня. Хотел посоветоваться – кажется, по вашему профилю. Просто совет на три минуты.

– Ну, годится... Я тебя как раз позвать хотел.

– Что-то случилось? – возвращаю Бахтину его вопрос.

– Не в том смысле, – спешит успокоить Бахтин. – Мари-

на нервничает, что у Витки температура повышена – это мы дочь так называли... Хотела, чтоб именно ты посмотрел. Ну, сам понимаешь...

– Не вопрос. К вам подъехать?

– Да, я на твой адрес заказал такси и уже оплатил. Раз ты не против... Оно у тебя будет минут через пятнадцать, вот тебе номер водителя и машины эсэмэской.

* * *

Приехав к Бахтину, застаю у него что-то вроде семейного застолья. Его родители, родители жены, сама жена и ребёнок, как переходящий приз, кочующий с рук на руки. Видимо, повышенное внимание взрослых самой Виктории не нравится, о чём она охотно и настойчиво всем сообщает (криком). Сообщения Виктории дублируются и женой Бахтина, но кто бы её слушал: бабушки и дедушки уже приняли явно больше Бахтина и к взываниям разума глухи.

Перво-наперво уединяюсь в пустой комнате с Мариной и Викой, укладывая первую на широкий диван. Через минуту сообщаю Марине:

– Лично я ничего особенного не вижу. Всё в норме. Сам мозг, судя по амплитуде, немного перевозбуждён, но это уже не ко мне... Сейчас.

Бросаю частоту покоя на Вику, она успокаивается. Интересно. Обычно детей так просто не успокоить. Может быть,

имеет значение тот факт, что мы знакомы друг с другом ещё с внутриутробных времён? Если можно так выразиться.

– Спасибо! – Марина, с удивлением глядя на меня, берёт ребёнка на руки и исчезает в следующей комнате, а я возвращаюсь в зал и делаю Бахтину знаки глазами и руками.

* * *

– ...в общем, такая история, – заканчиваю пересказывать петицию Серикова-младшего через три минуты. – Извините, что лезу чуть не с личным, но, по-моему, промолчать и не заметить – не вариант. Если, конечно, мы хотим жить в этой стране и дальше...

– Не вариант... Ты даже не представляешь, насколько не вариант... – Бахтин задумчиво барабанит пальцами по столу, глядя куда-то вниз. – Но и с наскока не сдюжим.

– Что?

– Не справимся, говорю, с наскока, – не отвлекаясь от созерцания пылинок на полу, поясняет Бахтин. – Так. Марина Витку сейчас уложит, сама вместе с ней отрубится. Родителей я сам быстро развезу. Потом проедемся в одно место; ты свободен?

– Если нужно – да. У меня Лена тоже спит и до утра явно не проснётся. Ничего, что вы пили?

– Старая хитрость, – хмуро поясняет Бахтин. – Никакого алкоголя не принимал – сегодня, по крайней мере. Пиво

безалкогольное, отсюда запах.

– А выглядите, как будто навеселе, – удивляюсь я, при-
сматриваясь к его мозгу. И не обнаруживая никаких призна-
ков опьянения, к своему удивлению.

Ты смотри. Оказывается, алкогольную эйфорию можно
просто изобразить. Учту.

– Запах – от безалкогольного пива. А внешний вид... Чтоб
родители не обижались, ещё и не то изобразишь, – всё так же
хмуро поясняет Бахтин. – Так, собирайся с мыслями, через
три минуты стартуем.

Что Бахтин говорит своим и родителям и родителям Ма-
рины, я не знаю, но уже через пять минут мы дружной ком-
панией спускаемся вниз и занимаем места в машине, для че-
го приходится откинуть третий ряд кресел, находящийся в
багажнике.

Раскидав родителей по домам, Бахтин паркуется на ка-
ком-то пяточке, достаёт телефон и долго кому-то дозванива-
ется, пока на том конце не поднимают трубку.

– Сергей Семенович, добрый вечер. Извиняюсь, что позд-
новато, мне нужно с вами переговорить. Срочно...

* * *

Итогом трёхминутного разговора полунамёками между
Бахтиным и неизвестным мне абонентом является пригла-
шение нас проследовать по какому-то адресу, который Бах-

тин минуты две разыскивает в навигаторе.

– Вот же чёрт побери... Всегда забывал, как там правильно заезжать, – бормочет он, колдуя над маршрутом.

Я благоразумно под руку не лезу.

– О, вот тут, возле трамплина заезд! Вспомнил.

И через двадцать минут мы оказываемся возле отдельно стоящего дома в предгорьях, чем-то неуловимо напоминающего дом Роберта Сергеевича, но намного скромнее и проще.

– Здесь обитает мой начальник, – инструктирует меня Бахтин перед тем, как вылезает из машины. – Ему могут потребоваться твои личные впечатления. Семьдесят из ста, что мы всё решим сами, ты можешь только присутствовать. Обо всём, что тут услышишь или увидишь, нигде ни слова, ни полслова.

– Могу, если хотите, вообще в машине посидеть, –жимаю плечами. – Отдаю себе отчёт, что ваши рабочие разговоры могут быть для меня совсем не предназначены.

– Да нет, особого секрета как раз нет – по крайней мере, в этом случае, – досадливо качает головой Бахтин. – Просто я и сам сюда не очень люблю ездить. Как будто в какую-то личную зону вторгаешься... А ещё и вдвоём? Но дело такое, что... В общем, погнали.

Входные двери в двухэтажный дом оказываются не закрытыми. Хотя вижу электронный замок; возможно, двери открыли специально для нас.

Бахтин, не разуваясь, уверенно шагает по лестнице на второй этаж, делая мне знаки, чтоб я следовал за ним.

Неплохой дом, но далеко не шикарный. Удобный, комфортный, в хорошем месте, но насколько могу судить по данным из интернета, на Западе в таких живёт чуть не половина населения.

Скажем откровенно, до дома Роберта Сергеевича весьма далеко. Тот, впрочем, и не госслужащий.

Рабочий кабинет начальника Бахтина оказывается просто двадцатиметровой комнатой с письменным столом, стулом и окном. Есть ещё четыре небольших кресла в углу, на них и располагаемся по кивку хозяина кабинета – сухонького старичка, ростом выше среднего, как по мне – ничем не примечательного.

– Внимательно слушаю, – старичок садится напротив нас и смотрит только на Бахтина.

Бахтин сжато пересказывает услышанное от меня, после чего старичок переводит взгляд в мою сторону:

– Меня зовут Сергей Семёнович, я начальник Олега Николаевича. О тебе знаю заочно. Я так понимаю, ты подъехал

вместе с Олегом на случай, если возникнут вопросы? К тебе лично?

– Да.

– Спасибо, у меня вопросов нет, – старичок переводит взгляд на Бахтина. – Давай его отправим домой, пусть спит. На его уровне вообще никаких вопросов. Спасибо, как говорится, за информацию, но он же нам дальше не нужен?

– А как вы собираетесь взаимодействовать с женой Серикова организовывать?

Старичок, который Сергей Семёнович, непонимающе смотрит на Бахтина, тот на него, и в итоге говорит:

– Ладно, я понял. Давайте его отправим домой, а я потом сам, на основании...

– Саша, внизу за домом водитель в машине. Пожалуйста, скажи куда – тебя отвезут, – кивает мне старичок и, придвинувшись поближе к Бахтину, закидывает сцепленные вместе ладони за затылок и говорит:

– Высокие чины надо чистить. От генерала МВД и выше. Тут уже не ведомственным конфликтом пахнет, это похоже на политику и попытки...

На попытки чего будут похожи абсолютно законные действия по нейтрализации наркодистрибуции, я уже не слышу, поскольку закрываю за собой дверь и спускаюсь вниз.

Внизу, за домом, как и предсказывалось, стоит непонятного вида «Паджеро» с немногословным человеком, который, едва окинув меня взглядом, лезет на место водителя.

Говорю адрес и уже через полчаса, приняв душ, лежу в большой спальне, изучая атлас перед сном.

Непонятно, зачем Бахтин тащил меня с собой в дом своего босса, но не мне жаловаться: сам его на ночь глядя озадачил. Да и не первый раз он ночью из-за меня...

Ладно, стоп. Что-то и я стал по-стариковски брюзжать. Нас ждёт атлас.

* * *

Личный кабинет Генерального Прокурора в его доме. Тот же вечер. То же время.

– Высокие чины надо чистить. От генерала МВД и выше. Тут уже не ведомственным конфликтом пахнет, это похоже на политику и попытки перекрыть сферы влияния на самом верху. В нашу пользу... Подбросил ты задачу, Олег, – Сергей Семёнович укоризненно смотрит на Бахтина.

– Сергей Семёнович, вы зачем мне это говорите? – холодно цедит Бахтин в ответ. – Ну, давайте промолчим? Давайте считать, что всё в порядке? Что всё всех устраивает? А этих двоих Сериковых – сына и жену – так их потом вообще не найдут! Степь у нас большая... И нам с вами – никаких проблем.

– Не горячись. Это я так, брюзжу по-стариковски... Промолчать, конечно, не вариант. Но вот как в это всё с наскака ввязаться, я не вижу. Так, чтоб гарантированно по-

бедить.

– В чём, с вашей точки зрения, проблема?

– Во-первых, Министр МВД. Личный Друг. Папа его хотя уже и не защищает в Совбезе, но в критической ситуации может приказать всем и забыть о его участии в деле. А если Министр вывернется, то и людей его мы не достанем.

– В судах дела развалят? – кивает каким-то своим мыслям Бахтин.

– Да. Как обычно.

– Получается, у нас только один вариант? «Порубить» всех, кто ниже министра МВД, в фариш очень быстро – так, чтоб Министр просто не успел среагировать, да? А с ним самим уже – иншалла?.. Даже если вывернется, это будет уже не то влияние и не тот министр, – размышляет вслух Бахтин.

– Да, нужно, чтоб он просто к Папе на приём не успел попасть между двумя точками: началом нашей работы и окончанием задержания всех фигурантов.

– А сколько времени занимает именно у него попадание конкретно к Папе на приём? – вопросительно поднимает бровь Бахтин.

– Для него – от двух часов до двух суток. Причём в этом вопросе, когда речь о его собственной жопе, он будет напрягаться изо всех сил. Чтоб «припасть к телу» как можно скорее.

– А от чего зависит, два часа или двое суток? – Бахтин

заинтересованно подвигается поближе.

– Всё просто. Если пятница вечер, если Папа с новой семьёй или в Южной Столице – то даже этого Друга он примет не раньше понедельника. А если будний день и с утра – то пара часов. У них всё же свои отношения.

– Получается, наибольшая фора в наших действиях – это если мы начнём всех «рубить» после обеда в пятницу? Когда Папа точно поедет к своим – либо туда, либо туда?..

– Да, только один вопрос ты забыл. А как ты это узнаешь? – сварливо спрашивает Сергей Семенович. – Лично мне Папа не докладывает, поедет ли он в пятницу куда-то или нет.

– Ну-у-у, есть у нас в СОП-е друзья... гхм... – деликатно прокашливается Бахтин. – Папины маршруты они точно утверждают не за пятнадцать минут, гарантирую. Скажем, в пятницу в обед мы с вами уже вполне можем знать, в Южную Столицу ли, к новой семье или будет оставаться у себя.

– Поясни? – начальник Бахтина тоже заинтересованно подвигается поближе.

– Если он в Южную Столицу – от СОП-а ментам будет команда на «коридор» до аэропорта. Чтоб менты успели, СОП им отмаячит никак не позже обеда, – Бахтин эмоционально выбивает дробь пальцами по креслу. – Если Папа поедет к новой семье, сто процентов захочет что-то взять на сувениры. Значит, будет коридор до ПЛАЗЫ – он толь-

ко туда ездит или в ШАТЁР. Либо – начнут убирать всех людей из нужных секторов ШАТРА. Это тоже пара часов. Если СОП таких команд ментам не даёт – значит, Папа в пятницу никуда не двигается. А если начинают либо маршируют готовить, либо ШАТЁР чистить – значит... Вы поняли. Папа точно вхолостую не стреляет – не пацан всё же. Если маршируют начнут готовить – точно едет.

– Логично... А в СОП-е, стало быть, у нас есть нужный уровень взаимодействия? – Сергей Семёнович с любопытством смотрит на Бахтина поверх очков.

– Да, – после паузы кивает Бахтин. – Это беру на себя.

– А откуда у тебя там такой прихват, Олег? – смеётся начальник, игнорируя то, что Бахтину тема явно неприятна. – Всё же гостайна? И они ж никак не болтливые?

– Служили вместе. Обязаны друг другу. Да и, конкретно в этом случае, я лично съезжу и всё поясню. Вот так вот за столом, глядя в глаза, как вам. Всё равно наши действия по генералитету секретом пробудут ровно три минуты... Тем более – тайной от СОП-а. А так я всё им сам заранее расскажу, объясню, зачем нам это надо, ну и вопрос правильно задам.

– Это как? – заинтересованно спрашивает начальник.

– Я не буду спрашивать, куда Папа едет в пятницу. Это действительно перебор, да нам с вами это и не надо. Я спрошу: есть ли вероятность, что Министр МВД к нему сегодня **не попадёт** до окончания всех наших процессуальных дей-

ствий.

– Слу-у-ушай, Олег, а ведь можно ещё круче сделать! – Сергей Семёнович поднимается из кресла и начинает нервно ходить по кабинету. – Ну, допустим, Главмент что-то услышал и всё же начал ломиться. Но они ж его вообще своей властью могут на несколько часов придержать?

– Это если он Папе на прямой телефон не звякнет, – сомневается Бахтин.

– Не должен, – трёт ладонью об ладонь Сергей Семёнович. – Подумай сам. Он явно в пуху будет – и рылом, и не только. Идёт откровенно спасать свою жопу. Значит, будет камуфлировать беседу как служебную необходимость. А при такой легенде он сто процентов на личный номер звонить не будет. Чтоб психологически из роли не выйти, – поясняет Сергей Семёнович не понимающему Бахтину. – Он хоть и мудака, но чувствует, где и как сыграть. А Папа плохую игру от природы сразу видит – как говорится, талант. М-да.

– Вы уверены? – всё ещё сомневается Бахтин.

– Более чем! – горячится Сергей Семёнович. – Это вы, молодые, всё бы вам мозгами... Тут чувствовать надо. В общем, это уже я на себя беру. На личный номер звонить не будет. Сможешь подстраховаться, если что, и Министра – в пиковом втором варианте – через СОП в ожидании приёма помариновать? Скажем, на въезде?

– Не обещаю. Спросить могу, если под ваше слово, – Бах-

тин вопросительно смотрит на начальника, тот уверенно кивает. – Тогда спрошу. И мы в любом случае будем должны.

– Это не важно. В данном случае, – решительно говорит Сергей Семенович.

– Тогда мне туда поехать надо лично. Это явно не по телефону... Сергей Семёнович, но это мы с конца заходим. Давайте с начала теперь? Если мы точно этим занимаемся, вот давайте друг другу тут ещё раз всё подтвердим. Что идём до конца, в любом варианте, – Бахтин тяжело и испытующе смотрит на начальника.

– Да. Я уже старый, Олежек. Мне хочется и что-то нематериальное после себя оставить. Например, мир почище. Лучшие скажи, как источник защищать будем?

– Сериковых что ли? Сына и жену?

– Да.

– Под программой защиты свидетелей. На одной из баз СОП-а – сам не знаю, на какой. Вот как раз и договорюсь, как туда поеду. Это вообще процессуально автоматом: тем более, сын несовершеннолетний, дело особой важности, угроза более чем реальная. Тут СОП автоматом и сам впряжётся.

– Это хорошо... от Службы обороны объектов его только ядерным ударом будет можно достать... – довольно трёт руки Сергей Семёнович.

– Шеф, но я про начало не договорил. Давайте сначала –

это давайте согласуем, с кем дознание проводим. Уж больно перспективы резонансные... Мы ж сами только надзорный орган. Мне же кому-то это всё формально направить надо. Не в МВД же.

Бахтин с начальником смеются.

– У тебя есть свои намётки? – отсмеявшись, спрашивает Сергей Семёнович.

– Да. Агентство по противодействию коррупции.

– Я против, – задумчиво возражает Сергей Семёнович. – Сейчас Папа не у дел. Без его помощи с Агентством точно не потянем – у них оперативные возможности ноль. Знаешь что, а сходи-ка ты к Комару? Наладь взаимодействие? Тем более – формально, и из них кто-то замазан. Лучшие чекистов просто никто не «выведет».

– Думаете? – с сомнением спрашивает Бахтин. – Как бы...

*– Уверен. Олег, уже поздно, потому я не буду аргументировать, хорошо? Просто считай это моим приказом, – видя нахмурившегося Бахтина, Сергей Семёнович садится обратно в кресло. – Я постарше тебя, Олег. И он тоже. Я его ещё в те времена помню, которые о человеке гораздо лучше нынешних говорят... Если ты с Комаром не договоришься по **этому** вопросу, с другими тем более не договоришься. Плюс – тебе понадобятся **все** ресурсы чекистов. Включая спеццентр.*

– Борцов с терроризмом?

– Конечно, – серьёзно кивает Сергей Семёнович. – Комар – единственный, кому и власть глаза не застит, и от политических игр далёк, и не трус: из тех, кто при власти у чекистов, только на него «за идею» на все сто рассчитывать можно. Это я тебе как его давний недруг говорю.

– Ну, если вы сами так уверены...

– Уверен, Олег, – снова перебивает Бахтина начальник. – Как бы мы ни бились за палки и влияние в конце месяца, но всё, что касается интересов страны, Комар всегда отрабатывал на пять. И свой карман с государственным никогда не путал. Это тебе я говорю, который ему далеко не друг.

* * *

– Где ты опять ночью шатался, маленький монстр? – Лена шлёпает меня сзади по деликатной части тела, когда я перемешиваю длинной деревянной ложкой рагу из баклажанов в казане. Попутно она ненамеренно подбивает мой локоть, и длинная ложка выступает в роли рычага: кусочки рагу улетают в потолок, на стену, в окно, где часть из них прилипает брызгами к поверхности.

– Спасибо, – очень медленно поворачиваюсь и в упор смотрю на Лену. – За беспокойство.

– Ой... Пха-ха-ха, – Лена забывает, что хотела спросить, и, схватив с плиты губку (которой я мою кастрюли) пытается ею удалить брызги со стекла.

Размазывая их ещё больше.

– Так, я сейчас ничего не видел. Кое-кто вытрет сама, окей? – кошусь на неё краем глаза. – Потом, когда я уйду...

– Хорошо, не беспокойся, эгоистичный тиран, – Лена забрасывает губку в мойку, плюхается на стул, закидывает ногу на ногу и повторяет вопрос: – Где шатался? Я всё слышала...

– Это что именно? – искренне удивляюсь.

– Как ты дверь закрывал. Когда вернулся, – признаётся она.

Не вижу причин от неё что-либо скрывать, потому в две минуты рассказываю ей и о визите Серого, и о своих дальнейших действиях.

Лена задумчиво качается на задних ножках стула с полминуты, и тут мой телефон, выставленный на самый громкий сигнал, пиликает, сообщая, что пришло смс от Бахтина (он у меня настроен особым тоном).

Бахтин: Мы работаем. Пожалуйста, на всякий случай, будь на связи. Всё время.

Стесев: Не понял, но хорошо.

Лена заглядывает мне через плечо, выхватывает телефон из моих рук и лично читает сообщение от Бахтина плюс мой ответ. Потом запускает телефон скользить по столу в мою сторону и разочарованно говорит:

– Не интересно. Я думала, какая-нибудь шестнадцатилетняя фемина, хех. Начинающая себя осознавать...

– Если бы... – бормочу. – Пока всего лишь неромантич-

ный Бахтин.

– Тогда пошли, – Лена сзади дёргает меня за резинку трусов так, что она впивается в тело. Лена продолжает тянуть, и я вынужден пятиться в сторону спальни, смешно семеня на пятках. – У нас есть одно неоконченное дело со вчерашнего вечера...

* * *

Центральная часть города. Кабинет на втором этаже здания без вывески, негласно используемого Центральным Аппаратом МВД в качестве офисных помещений по согласованию с Камбином.

В кабинете присутствуют два человека. Они сидят друг напротив друга за приставным столом для совещаний. Каждый о чём-то размышляет.

– Долг наш сиделец пока так и не вернул, – нарушает молчание один из них. – И на связь не вышел, чтоб хотя бы как-то нас сориентировать по вариантам и перспективам.

– Он же и не может, – удивляется второй. – Ты же сам в курсе всех обстоятельств.

– О чём мы с тобой в курсе, сейчас не важно. Важно, что мы денег не видим. Которых с нас пока не требуют, но скоро однозначно напомнят. – Говорящий это человек многозначительно поднимает указательный палец в направлении потолка. – Бизнес есть бизнес. И вести его нужно так, чтоб

все процедуры были продублированы и застрахованы от любых неожиданностей.

– Да слезь ты с трибуны – не на коллеги, – раздражённо морщится второй. – Если ты весь из себя такой бизнесмен, форс-мажоры мы вообще исключаем?

– Ну почему, у меня на этот счёт чёткая позиция, – первый наклоняется над столом и смотрит в глаза второму. – Форс-мажоры могут быть у нас с тобой. И выше. Ниже – только недоработки.

– Ты же понимаешь, что деньги на месте, он всё вернёт, но нужно просто подождать? Пока либо его выпустят, либо получится с ним связаться, – второй не отводит взгляда, но выглядит, как побитая собака.

– Ты меня не слышишь, – раздражённо морщится первый. – Я был бы не против пождать, и ждать сколько нужно, если бы была информация, как долго нам ждать. И – через какие каналы мы в итоге получим наши деньги. Но так как этой информации нет, а лично меня ОН, – снова тычок указательным пальцем в потолок, – скоро спросит о своей доле, то мне придётся либо объяснять ситуацию, либо отдавать свои деньги. Ситуацию я объяснить не смогу: мы не можем связаться с Эс и не знаем, на каких счетах и у кого последний платёж. А моих денег хватит на один раз. Но ОН через две недели попросит следующую плановую сумму. И где я её возьму? Или из-за... этого сидельца уволиться срочно?

– Да понятно всё, – с досадой откидывается на спинку

второй. – Что ты предлагаешь?

– Я не предлагаю. Я тебе открытым текстом говорю: давай форсировать. Понятно же и ежу, что семья что-то знать должна...

* * *

На литературе учительница, выходя за рамки самого предмета, периодически пытается не только образовывать нас, но и местами воспитывать. Справедливости ради, она открыта к дискуссиям и, как правило, пытается услышать все альтернативные точки зрения.

Правда, периодически её терпения не хватает, особенно если за громкими словами «альтернативная точка зрения» стоит чьё-то банальное желание просто почесать языком вместо урока либо незнание программного материала.

У меня масса вопросов по литературе. Первый из них – почему *наша* литература изучает только тех, кто уже помер? Среди современных писателей масса тех, кого без натяжки можно причислить к гениям. И с точки зрения содержания, и по форме подачи материала.

Видимо, «нет пророка в своём отечестве», и тут как с памятниками: только после смерти.

Насчёт этого я постоянно спорю с ней до определённого уровня, стараясь дальше не ввязываться в дискуссии, когда она, охваченная педагогическим энтузиазмом, пытается, по-

мимо литературы, нам ещё и «прививать мировоззрение».

Дополнительно к литературе, она затрагивает и вопросы культуры, но это как раз меньшее из зол. Сегодня, правда, в рамках «смычки смежных дисциплин» уже пол-урока ожесточённо спорим о театре.

С другой стороны, если не циклиться на бесполезных (с прикладной точки зрения) «шедеврах русской литературы девятнадцатого века», школа уже дала мне один бонус: я научился разгонять свой эмоциональный негатив волевым усилием. Как следствие – растёт ресурсность мозга.

Дело, оказывается, не только в частотах мозга, но и в его задействованных участках.

Если воспринимать литературные диспуты, попытки учительницы нам что-то там прививать, её экскурсии в давно устаревшую культуру **не как трату времени**, а как упражнение на силу воли (упражнение на генерацию позитивного настроения и не-впадение в негатив), то получается очень не бесполезный урок.

– Ну, Стесев, а теперь поведай-ка нам, что думаешь обо всём этом ты, – учительница по-прежнему пытается втянуть меня в абсолютно ненужные лично мне дискуссии, больше похожие на потерю времени.

– Роза Ароновна, если я отвечу честно, я опять вас не обрадую, – дисциплинированно сообщаю ей своё видение текущей обстановки. – А врать не хочется – слишком хорошо к вам отношусь.

Класс привычно извергает короткий смешок, а она сама, так же привычно, снисходительно кивает:

– Давай уже. Не ломайся, как красна девица!

– Ну, начнём с определения слова «культура». Мы в школе почему-то, судя по контексту, под термином «культура» понимаем исключительно ту её часть, которой является живопись, театр, архитектура и так далее. В то время как культурой, если верить предмету в университете, являются ещё и материальные продукты деятельности – посуда, одежда, так далее... И обычаи с отношениями и ритуалами, и многое другое...

– Это где написано? – раздаётся с третьего ряда.

– Есть в универе на филфаке, инязе, истфаке такой предмет: «ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ». Учебник есть в интернете. Почитал на досуге... Так вот. Лично моё мнение, которое никому не навязываю: в основе *любой* культуры лежат три базовые функции головного мозга: мозг хочет развлекаться, познавать и отдыхать. Именно в таком порядке. Это лично мои наблюдения за жизнью.

Класс замолкает, а учительница удивлённо раскрывает глаза и присаживается сверху на ближайшую парту.

– Это имеет не большое отношение к литературе, – продолжаю, – но уж извините: если мы учим на память большие массивы текста для тренировки памяти на литературе и признаём, что для тренировки памяти (хотя я бы для этого ввёл иной предмет – «МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ»), поче-

му бы две минуты не поговорить и об этом... В процессе эволюции первое слилось со вторым: сейчас обучение, оно же познание, очень популярно делать через игру. То есть развлечение. И наоборот: масса игр выполняет и образовательную функцию, примеры возьмёте дома из компов.

– Да хоть и «Стратегия»! – подаётся вперёд Жанна.

– Спорно, – качаю головой, – но не суть... У меня другой пример: фейсбук... Идём дальше. **Каналы коммуникации**, необходимые для такой «загрузки» мозга, очень зависят от развития науки и техники. В древности они технически ограничивались возможностями театра, оперы, живописи, балета, поэтических салонов, салонов музицирования и подобной лабуды. Пардон...

Класс вместе с учительницей смеются полминуты, терпеливо жду.

– Но мы с вами знаем: информация – измеряемая величина. И мозг стремится потреблять и обрабатывать как можно большее её количество. Однако понятно это стало только в наше цифровое время, и то, похоже, не всем... Лично моё мнение: музыка, балет, опера, живопись или умрут, или останутся уделом узкой группы фанатов. Всё по той же причине: информация измерима. И ранее люди ходили и на это только потому, что альтернативы особо не было, а физиологическая потребность потребления информации и обмена информацией была и есть. Но сейчас структуры коммуникации усложняются, а объёмы информации растут. Устаревая

ют примитивные её каналы.

– Я бы не была столь категоричной, но продолжай, – задумчиво говорит учительница, вспоминая что-то своё.

– Могу доказать. Роза Ароновна, не сочтите за скабрёзность, но нужна именно ваша экспертиза.

Класс замирает в предвкушении, учительница слабо улыбается, не желая выныривать из каких-то своих мыслей, а я продолжаю:

– Мне это сказал дед. К сожалению, меня тогда не было, но, возможно, те времена хоть частью застали вы. Например, даже девяностые. Дед рассказывал: раньше, когда ехали в поезде от полусуток и больше, мужчины проявляли, гхм, инициативу с целью коммуникации с противоположным полом. Если таковой в вагоне или купе имелся. Это правда?

Мой вопрос тонет во взрыве хохота. Роза Ароновна немного краснеет, но, смеясь, кивает:

– Ещё как... – вызывая ещё бóльший взрыв хохота.

– А обратите внимание сейчас. Вы заметили, что в поезде парни уже не иницируют общения с девушками? Дед, правда, использовал другую формулировку, но я её воспроизводить тут не буду... – пережидаю ещё один взрыв хохота. – Потому что все сразу погружаются в смартфоны.

– А ведь да!..

– Да ну, зачем к незнакомым людям лезть, если мобила с собой...

– Точно...

– Интересное наблюдение, – кивает учительница. – Пожалуй...

* * *

Дискуссия началась с того, что в рамках чуть ли не школьной программы (документ называется «План внеклассных мероприятий» – есть, оказывается, и такой) нас тянут в театр на «Евгения Онегина».

Лично мне эта коммуникация не интересна ни по форме, ни по содержанию. Что я откровенно и озвучил.

Но впервые никто из Ученического Совета меня не поддержал, а девчонки вообще взвились: «Стесев, ты тормоз! Приезжают же МОСКВИЧИ! Ты такого вообще можешь больше в жизни не увидеть, ещё и за эти деньги».

Я сопротивлялся, сколько мог, но никого не убедил.

По окончании урока пишу Лене смс, с перечислением всех обстоятельств. К своему удивлению, получаю от неё ответ:

– Мелкий, ты тормоз! Не буксуй! Я с тобой иду – вернее, с вам! Давно хотела. Тем более, если москвичи в нашей провинции! Считай, событие.

– Думаешь? – начинаю сомневаться в правильности своих выводов я.

– Уверена! Мелкий, я не тупее тебя! Не спорь! Почём би-

леты?

– Ладно-ладно... понял. Не важно, почём. Запишусь, что иду вдвоём...

– В качестве компенсации, обещаю на спектакле сделать приятно, хи-хи.

– **0_0** как ты себе это видишь???

– Сюрпри-и-и-из! :-**P** Увидишь...

* * *

Примечание 1. На «зарубежной литературе» в университете я тоже постоянно спорил: почему-то наше классическое университетское образование под предметом ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА понимает только Европу, США и Латинскую Америку.

Ладно, за кадром остаётся Африка (хотя лично я бы поспорил). Но некоторым памятникам китайской, японской, индийской литератур никак не меньше лет, чем даже опусам Гомера (которые на первом курсе вдалбливают достаточно жёстко).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.